

Н. МАКЕЕВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ-

РЕДАКТОР

«ВОЕННОГО СБОРНИКА»

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фото 1859 г.

ПОЛКОВНИК
Н. МАКЕЕВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ—
РЕДАКТОР
„ВОЕННОГО СБОРНИКА“

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
Москва — 1950

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-ДЕМОКРАТ

Великий сын русского народа Николай Гаврилович Чернышевский по праву считается одним из первых социалистов в России. Всю свою замечательную жизнь он посвятил борьбе за светлое будущее нашей прекрасной Родины.

Чернышевский особенно дорог советскому народу. Его имя является нашей национальной гордостью, гордостью всего прогрессивного человечества. Оно — символ революционной борьбы, самоотверженности, преданности своему народу и беззаветного служения Родине.

Будучи одним из виднейших предшественников марксизма на русской почве, Н. Г. Чернышевский внес значительный вклад в революционное движение в России. Он принадлежал к числу тех людей, которые расшатывали старый крепостнический строй, приближали момент его окончательной гибели, подготавливали почву для грядущей социалистической революции.

Исключительно высоко ценили деятельность Чернышевского классики марксизма-ленинизма. К. Маркс, как известно, изучил русский язык для того, чтобы в подлинниках «познакомиться... с экономическими (превосходными) работами Чернышевского». Называя Николая Гавриловича «великим русским ученым и критиком», Маркс указывал, что его труды «делают действительную честь России». Когда царское правительство жестоко расправилось с великим русским революционным демократом, упрятав его в глухой сибирской ссылке, Маркс считал, что «политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но целой Европы»¹.

Ф. Энгельс, оценивая заслуги Чернышевского в науке, назвал его великим мыслителем и основоположником той

¹ «Литературное наследство» № 3, 1932, стр. 75.

исторической и критической школы в русской литературе, «которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»¹.

Чернышевский был одним из любимых писателей В. И. Ленина еще в тот период, когда складывалось мировоззрение будущего вождя мирового пролетариата. «Владимир Ильич, — говорила Н. К. Крупская, — очень любил Чернышевского, может быть, больше всех других мыслителей и деятелей прошлого»².

В своих работах В. И. Ленин часто ссылается на Н. Г. Чернышевского. Он характеризует его как великого русского революционера и великого русского социалиста домарковского периода. Владимир Ильич отводил ему почетное место среди предшественников русского марксизма и неоднократно говорил о его больших заслугах перед народом. Он назвал имя Чернышевского в числе предшественников русской социал-демократии: «...роль передового борца, — писал Владимир Ильич, — может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»³. Ленин дал всесторонний анализ роли Чернышевского в революционном движении. Он указывал, что Чернышевский был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм. «От его сочинений, — писал Владимир Ильич, — веет духом классово-борьбы»⁴.

Великий вождь и учитель советского народа, творец всех наших побед И. В. Сталин еще в юношеские годы с большим интересом изучал труды Н. Г. Чернышевского и использовал их для пропаганды идей марксизма. Товарищ Сталин высоко ценил научное значение диалектических взглядов Чернышевского и часто ссылался на них, как на авторитетный, научный источник в борьбе с закавказскими меньшевиками и националистами. В памятном всему советскому народу докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1941 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 389.

² А. В. Луначарский, Н. Г. Чернышевский, ГИЗ, 1928, стр. 112.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 342.

⁴ Там же, т. 20, стр. 224.

И. В. Сталин назвал имя Чернышевского в ряду имен лучших людей великой русской нации, олицетворяющих ее жизненную силу, творческий гений и непобедимость:

* * *

Н. Г. Чернышевский родился 24 июля 1828 г. в городе Саратове. По окончании духовной семинарии Чернышевский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Материальное положение его, как студента, было тяжелым. «Весьма обеспокоен своим положением, — записывает он в дневнике —...Денег нет... между тем одежда начинает изнашиваться».

После окончания университета Чернышевский некоторое время работает в Саратове преподавателем словесности в гимназии. В мае 1853 г. он снова едет в Петербург, успешно сдает там магистерские экзамены и вскоре блестяще защищает диссертацию на тему «Эстетические отношения искусства к действительности».

На арену революционной борьбы Н. Г. Чернышевский вступил во второй половине 50-х годов прошлого века — в годы, когда, по словам В. И. Ленина, революционный взрыв в России был вполне возможен. Обстановка в стране в тот период характеризовалась резким обострением классовых противоречий, таивших в себе возможность революционного потрясения. В стране все ярче разгорался пожар крестьянских восстаний.

С самого начала своей деятельности Чернышевский становится пламенным вдохновителем всех важнейших революционных начинаний своего времени. Он верит в могучую силу народных масс, так как глубоко убежден, что победа народного дела может быть достигнута только при помощи революционного выступления трудящихся.

В Петербурге Чернышевский знакомится с Н. А. Некрасовым. Вскоре он становится сотрудником, а затем и фактическим руководителем журнала «Современник». Под его руководством и при участии Добролюбова этот журнал превращается в орган революционных демократов и становится центром демократического движения России.

В «Современнике» блестяще развернулась общественно-политическая и литературная деятельность Чернышевского. Он систематически печатает статьи по различным вопросам, в которых на основе материалистической философии развивает свои революционные взгляды, разбивает идеалистические реакционные «теории». Вскоре Чернышевский стано-

вится идеологом и руководителем революционной демократии, идеологом крестьянской революции. Его перу принадлежат выдающиеся научные труды в области философии, истории, политической экономии, теории искусства. Наряду с этим Чернышевский известен как виднейший публицист, замечательный литературный критик и видный писатель-беллетрист. Крупнейший ученый и неутомимый пропагандист революционных идей, он во всех своих произведениях выступает как страстный борец против царского самодержавия и крепостнической реакции, против помещичьего гнета, против двурушничества либералов. Он вносит дух революционности во все области идейной жизни. «...Я нисколько не подорожу жизнью,— писал Чернышевский,— для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если только буду убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только в этом буду убежден»¹.

Все работы Н. Г. Чернышевского — философа, писателя, критика, экономиста, социолога, теоретика искусства — пронизаны от начала и до конца революционно-демократическим духом. Сразу же после опубликования произведения Чернышевского приобретали крупнейшее общественное значение, группировали вокруг себя передовые общественные силы, готовили их к борьбе.

С исчерывающей ясностью о значении идейного наследия Чернышевского, как и других великих русских революционных демократов, сказал А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «...лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедринным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным».

В своих философских воззрениях Чернышевский дальше развил материалистические взгляды, высказанные Ломоносовым, Радищевым, Белинским, Герценом. Критически переработав философское наследство своих предшественников,

¹ Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. I, 1928, стр. 343.

он поднялся выше их и стал во главе творческого воинствующего материализма русской классической философии XIX века.

Философия Н. Г. Чернышевского олицетворяет собой целый этап в развитии передовой философской мысли в России. Проникнутая духом воинствующего материализма, она выражала интересы и чаяния трудового народа. Чернышевский ближе, чем кто-либо в России и на Западе, в то время подошел к диалектическому материализму К. Маркса и Ф. Энгельса.

В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹.

В своем известном труде «Антропологический принцип в философии», написанном в 1860 г., Н. Г. Чернышевский формулирует основные принципы своего мировоззрения и выступает в защиту материализма, атеизма, социализма. В этой работе он дает глубокую критику идеализма как мировоззрения правящих эксплуататорских классов и потому реакционного, антинаучного, опровергаемого всем ходом развития естественно-научных знаний. Единственное «научное направление в философии, — говорит Чернышевский, — это материализм».

В этой работе Чернышевский пытается материалистически истолковать диалектический метод. Он соединил свой материализм с идеей революции в общественной жизни, тем самым придав диалектике революционный характер. Для него диалектика была средством революционного преобразования мира.

Философия Чернышевского — глубоко оригинальна и самобытна. Великий русский мыслитель не подражал своим современникам на Западе и значительно превзошел их. Он стоял на целую голову выше немецкого материалиста Фейербаха. В отличие от философии Фейербаха материализм Н. Г. Чернышевского носит глубоко действенный, боевой, революционный характер, проникнут диалектической идеей

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

развития и свободен от всяких религиозно-этических наслоений.

Взгляды Чернышевского по ряду вопросов были близки к взглядам основоположников марксизма. В добавлении к первому параграфу IV главы своего гениального труда «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин пишет о том, что Чернышевский в теории познания вел борьбу против агностицизма¹ Канта. И в этом он, как указывает Ленин, «...стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника»².

В области общественно-исторических воззрений Чернышевский вплотную подходил к историческому материализму. Он правильно оценивал значение развития промышленности для общественного прогресса. «Когда развивается промышленность,— говорил он,— прогресс обеспечен». Вместе с тем Чернышевский видел и те бедствия и страдания, которые несет трудящимся массам капитализм. Он был, по словам Ленина, замечательным критиком капитализма.

Н. Г. Чернышевский вел борьбу против объективизма, «беспартийности» в науке и философии. Он справедливо считал, что философии надклассовой нет и быть не может.

Но великий русский мыслитель жил в ту пору, когда в России еще не было и не могло быть организованного промышленного пролетариата, не было его авангарда — революционной партии рабочего класса. Поэтому он не понимал исторической роли пролетариата в революционном движении. Он видел зародыш социализма в русской крестьянской общине. Чернышевский верил, что через общину Россия придет к социализму. Он «...не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»³. Он не смог до конца распространить материализм на явления общественной жизни. Этот вопрос был разрешен лишь с появлением диалектического материализма Маркса и Энгельса.

Н. Г. Чернышевский был современником основоположников марксизма. Его философия исторически сформировалась

¹ Агностицизм — идеалистическое философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 345.

³ Там же, т. 17, стр. 97.

после того, как сложился марксизм. Но справедливо принято считать ее философией домарксова периода. В силу ряда обстоятельств — экономической отсталости тогдашней русской действительности, почти 30-летнего нахождения под арестом и полицейским надзором — Н. Г. Чернышевский мало что знал о трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Несмотря на все это, Чернышевский, как известно, ближе всех других социалистов домарксова периода подошел к научному социализму. На формирование его мировоззрения оказало значительное влияние революционное движение крестьянства в России, а также революционные события 1848—1849 гг. на Западе.

Философские взгляды Чернышевского можно понять и оценить лишь в связи с его революционной практикой, с его борьбой за преобразование общества. В. И. Ленин подчеркивал революционный демократизм Чернышевского как самую сильную и ценную сторону его учения и деятельности. Он писал: «...Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Великое значение Н. Г. Чернышевского в том и состоит, что все свои теоретические установки в области философии, политической экономии, литературы и искусства он неизменно стремился провести в жизнь. Его философия не созерцательна, она действительна, она активно направлена на борьбу с самодержавием, на изменение действительности насильственным, революционным путем.

В отличие от народников 80—90-х годов Чернышевский был до конца своей жизни убежденным революционером, непримиримым врагом самодержавия и эксплуатации одних людей другими. Это резко отличает его также от социалистов-утопистов Запада. Он не отрывается от масс, что было характерно для этих философов, а напротив, в народе всеми доступными средствами настойчиво проводит идею крестьянской революции, идею насильственного свержения царизма и уничтожения крепостничества. В его политической программе «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое» (Ленин). Он видел путь к социализму в ожесточенной революционной борьбе.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

Передовой революционный деятель, Чернышевский был не только идейным вдохновителем, но и организатором революционного движения в России.

Современники Н. Г. Чернышевского М. Лемке, А. Слепцов, Н. Шелгунов в своих воспоминаниях рассказывают о том, что Николай Гаврилович вел большую нелегальную работу. При его деятельном участии был составлен план издания прокламаций, адресованных различным слоям населения. «...План был составлен очень удачно, имелось в виду обратиться последовательно, но в сравнительно короткое время ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля... Чернышевский, как знаток крестьянского вопроса, который он, действительно, знал в совершенной полноте, должен был написать прокламацию к крестьянам; Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам; раскольников поручили Щепову, а потом, не помню по каким обстоятельствам, передали тоже Николаю Гавриловичу; молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов. О таком плане и о его выполнении мне сказал в начале 1861 г. сам Чернышевский...»¹.

Таким образом мы видим, что существовал какой-то нелегальный центр, который планировал подготовку масс к революционному выступлению, стараясь вовлечь в него все слои трудового народа. Во главе этого центра, в числе других, стоял великий революционер своего времени Чернышевский. Советский ученый, историк М. В. Нечкина на основе подробного анализа прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанной Н. Г. Чернышевским, также приходит к выводу о том, что в России в 1860—1861 гг. существовала какая-то революционная организация, предшественница первой «Земли и Воли»².

К сожалению, нелегальная деятельность Н. Г. Чернышевского до сих пор еще недостаточно изучена, так как он был исключительно осторожен в своих действиях, искусно конспирируя каждый шаг своей работы. При Литературном фонде, членом которого состоял Чернышевский, было создано так называемое второе отделение. Оно ставило своей задачей оказывать материальную помощь учащейся молодежи. Учредители отделения решили выбрать в комитет

¹ М. Лемке, Политические процессы, М.-П., 1923, стр. 318.

² М. В. Нечкина, Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации, Исторические записки Института истории Академии наук СССР, № 10, 1941.

Чернышевского. И хотя Николай Гаврилович принимал деятельное участие в работе фонда, но, узнав об этом, он категорически запротестовал: «Я прошу вас этого не делать... выбор меня в ваш комитет может привлечь ненужное внимание начальства к отделению»¹.

Характерен в этом отношении такой факт. Еще в 1853 г. Чернышевский писал своей невесте О. С. Васильевой, будущей жене: «Меня могут со дня на день арестовать... У меня не найдут ничего, но враги мои могущественны; что же мне остается делать? Начну с того, что буду молчать и потом, когда в течение долгого времени меня измучат, кончу тем, что потеряю терпение и выскажу мой образ мыслей, беспощадно и откровенно, и тогда очень сомнительно, выйду ли я из тюрьмы»².

Неудивительно поэтому, что сведения о связях Чернышевского с революционными кругами, о его непосредственной нелегальной революционной деятельности являются весьма ограниченными.

Особое место в научной и философской деятельности Чернышевского занимает его эстетическое учение. Своей гениальной работой «Эстетические отношения искусства к действительности» и другими произведениями Чернышевский внес неоценимый вклад в разработку материалистической эстетики, в развитие русской художественной литературы и искусства. Он успешно распространил положения материалистической философии на вопросы искусства и дал программное направление борьбе русских революционных демократов за реализм в искусстве.

В ряде литературно-критических статей Чернышевский идейно обосновал революционное реалистическое направление в русской художественной литературе. Вслед за Белинским он выступает глашатаем искусства для народа, глашатаем его высокой идейности и общественного значения. «Чернышевский, — говорил А. А. Жданов, — ...учил тому, что задачей искусства является, кроме познания жизни, еще и задача научить людей правильно оценивать те или иные общественные явления»³.

¹ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, т. I, СПб, 1905 г., стр. 226—227.

² Н. В. Рейнгардт, Н. Г. Чернышевский (по воспоминаниям и рассказам разных лиц), «Русская старина», № 2, 1905, стр. 448—449.

³ А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 24.

Чернышевский оказал сильное влияние на развитие русской литературы, помог ей занять ведущее место в мировой литературе. Великие традиции Чернышевского близки и дороги нашему советскому искусству и литературе, носителям самых передовых и гуманных в мире идей.

Н. Г. Чернышевский был пламенным патриотом России, страстно любившим свою родину и верившим в ее славное будущее. Он горячо любил свой народ и ненавидел его угнетателей, презирал тех, кто пресмыкался перед заграницей. «...Историческое значение каждого русского великого человека,— писал он,—измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма». Николай Гаврилович не только сам был горячим патриотом, но и восхищался глубоким патриотизмом русского народа. «Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце,— говорил он, — до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом. ...Все остальные интересы его деятельности... подчиняются у русского... великой идее служения на пользу своего отечества»¹.

Говоря о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в России во время Отечественной войны 1812 г., Н. Г. Чернышевский пишет: «...холод и недостаток в съестных припасах были только второстепенными причинами гибели великой армии наполеоновой; главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы... патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»².

Высочайший патриотизм, по Чернышевскому,— это «страстное, беспредельное желание блага Родине». Как современно звучат эти замечательные слова великого русского революционера-патриота. Быть патриотом — это значит заботиться о благе своей Родины. Преданные социалистической Родине советские люди — славные патриоты нашей страны — отдают все свои силы, а когда этого требует обстановка, то и жизнь на благо своей Отчизны, первой в истории человечества прокладывающей путь к коммунизму.

Великий революционный демократ страстно боролся против расового и национального угнетения народов. Он беспощадно разоблачал «теории» о мнимом превосходстве рас. Чернышевский изобличал эксплуататорскую сущность

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, 1947, ОГИЗ, стр. 137—138.

² Там же, стр. 490.

теории и политики американских рабовладельцев и английских колонизаторов. Выступая в защиту угнетенных народов, он сочувствовал их революционно-освободительному движению.

Наблюдая современный ему капиталистический строй на Западе, Чернышевский внимательно изучал противоречия капитализма. Николай Гаврилович беспощадно критиковал западноевропейскую буржуазную «демократию», которая формально провозглашала за каждым человеком одинаковые права, но не обеспечивала возможности воспользоваться ими тем, кто не имеет собственности, кто не принадлежит к имущим верхам общества. «...Человек, зависимый в материальных средствах существования,— говорит Чернышевский,— не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость»¹.

И далее: «Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово, да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают тексты, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором ⁹/₁₀ — орда, рабы и пролетарии; не в том дело... будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»².

Настоящими хозяевами положения в капиталистических странах, как указывал справедливо Чернышевский, являются банки, биржа. «...Мнение нации и решение парламента — две различные вещи», — писал он об Англии.

Эта критика Чернышевским западной буржуазной демократии, ее лицемерной сущности, ограниченности является особенно ценной, если учесть, что Чернышевский выступил с ней в 60-е годы прошлого века — тогда, когда для многих общественных деятелей буржуазная демократия на Западе представлялась осуществлением всех политических свобод народа.

Историческое значение деятельности Н. Г. Чернышевского как величайшего русского мыслителя и революционного демократа исключительно велико. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с крепостничеством и самодержавием. Он смело призывал народ к восстанию и сам готовился стать

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. IV, 1948, ОГИЗ, стр. 740.

² Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. I, стр. 266.

во главе его. Его кипучая деятельность отражает целую эпоху русской жизни. Она образует самостоятельную ступень в развитии русской научно-революционной мысли.

Заслугой Чернышевского является то, что он в условиях отсталой в экономическом отношении России выдвинул самые смелые революционные и философские идеи. Мироззрение Чернышевского сыграло крупную роль в воспитании не одного поколения революционеров. Он в значительной мере содействовал подготовке почвы для широкой политической деятельности русской революционной социал-демократии, для восприятия в России самого передового революционного учения — марксизма.

До последних дней своей жизни Н. Г. Чернышевский оставался верен делу борьбы за свободу трудового народа. Царское правительство видело в Чернышевском своего опасного врага. Не располагая против него прямыми уликами, оно при помощи подложных документов состряпало обвинение и заключило Чернышевского в июле 1862 г. в Петропавловскую крепость. Два года он пробыл в заточении в крепости, семь лет на каторге и двенадцать лет в ссылке в Сибири.

Но и здесь Чернышевский не сложил своего оружия. В Петропавловской крепости он написал свой знаменитый роман «Что делать?», а находясь в ссылке, — роман «Пролог».

Появление романа Чернышевского «Что делать?», который случайно миновал царскую цензуру, было значительным событием в общественно-политической и литературной жизни России. Этому замечательному произведению принадлежит выдающееся место в революционно-демократической литературе. Роман пользовался громадным успехом, так как затрагивал большой круг политических и общественно-моральных проблем тогдашней жизни, подвергал сокрушительной критике социальные и семейные отношения, господствовавшие в крепостной России.

Эта книга Чернышевского оказала огромное влияние на передовых людей не только России, но и других народов. Она и поныне имеет большое политико-воспитательное значение. Георгий Димитров, выдающийся деятель Болгарии и международного революционного движения, в 1935 г. писал: «Роман «Что делать?» еще 35 лет тому назад оказал на меня лично, как молодого рабочего, делавшего тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние. И должен ска-

зять — ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое так сильно повлияло бы на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского. На протяжении месяцев я буквально жил с героями Чернышевского... Я ставил себе целью быть твердым, выдержанным, неустрашимым, самоотверженным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер, подчинять свою личную жизнь интересам великого дела рабочего класса, — одним словом, быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского»¹.

Глубоко веря в великое будущее нашей Родины, Н. Г. Чернышевский пророчески писал: «Будущее наше светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...».

Много времени прошло с тех пор, как были сказаны эти слова. Неузнаваемо изменилась за это время родина Чернышевского. Великая партия большевиков и ее гениальные вожди Ленин и Сталин воплотили в жизнь благородные мечты Чернышевского. Под руководством партии Ленина — Сталина советский народ совершил первую в мире победоносную социалистическую революцию, построил социалистическое общество, отбил все нападения империалистов на Советское социалистическое государство. Ныне советские люди, руководимые своей родной большевистской партией и великим Сталиным, уверенно идут к полному торжеству коммунизма.

Советский народ и все прогрессивное человечество высоко ценят заслуги великого сына русского народа Н. Г. Чернышевского, отдавшего всю свою жизнь за счастье и свободу трудящихся, за дело народа той страны, которая стала «очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции» (Сталин), родиной социализма.

* * *

Деятельность великого революционера-демократа Николая Гавриловича Чернышевского, по праву являющегося признанным вождем русской революционной демократии 50-х и 60-х годов, была исключительно многогранна. Он влил новую революционную струю во многие области рус-

¹ Г. Димитров, Предисловие к роману «Что делать?», изд. «Молодая гвардия», 1935.

ской культуры и науки. Крупнейший мыслитель России XIX века сделал также ценный вклад в военную теорию и военно-историческую науку. Не занимаясь специально военными вопросами, он при разработке общих социально-политических проблем в различных своих произведениях высказал разносторонние и глубокие мысли по военным вопросам.

Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский для пропаганды революционно-демократических идей наряду с нелегальной революционной деятельностью весьма умело использовал, хотя и очень ограниченные, легальные возможности. В. И. Ленин неоднократно указывал на эту сторону тактики социальной борьбы Чернышевского.

Одним из ярких примеров этой тактики Чернышевского является его работа в 1858 г. в качестве главного редактора официального военно-теоретического и литературного журнала «Военный сборник».

ГЛАВА ВТОРАЯ

РУССКАЯ АРМИЯ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853—1856 гг.

На рубеже 50—60-х годов в России, по определению Ленина, сложилась обстановка, являющаяся одним из примеров революционной ситуации, хотя и не приведшей к революции. «Оживление демократического движения в Европе, — писал Ленин, — польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹.

Это был период, когда большинство населения России — крестьянство — находилось в крепостнической зависимости от дворян-помещиков. В этих условиях промышленность росла медленно. Подневольный труд был мало производительным. Крепостное право являлось серьезным тормозом на пути дальнейшего развития страны.

В знак протеста против жесточайшего угнетения и эксплуатации крестьянство непрерывно восставало против помещиков. За время царствования Николая I (1825—1855 гг.) в России произошло около 700 выступлений крестьян.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26—27.

Число их особенно усилилось во время и после Крымской войны, возрастая из года в год. Крестьяне жгли усадьбы, убивали помещиков, управляющих. И хотя движение крестьян носило еще стихийный, разрозненный характер, было еще слабым, у крестьян отсутствовало еще политическое сознание, все же оно представляло для помещиков и царя весьма серьезную опасность. Это вынужден был признать шеф жандармов Бенкендорф, который еще в 1839 г. писал царю: «Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян».

Говоря о поражении царской России в Крымской войне, Энгельс писал: «...царизм потерпел жалкое крушение... он скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление»¹. Война с исчерпывающей ясностью вскрыла технико-экономическую отсталость России — страны, где еще господствовали разлагавшиеся феодально-крепостнические отношения. Уже в ходе войны передовые люди России радовались неудачам царской армии на фронте. Они знали, что только поражение царизма в войне заставит его провести некоторые реформы. Главной причиной поражения в войне было крепостное право и режим царского полицейского самодержавия. «Крымская война,— говорил Ленин,— показала гнилость и бессилие крепостной России»².

Война содействовала развязыванию оппозиционного и революционного движения. Царское правительство, боясь освобождения крестьян снизу, начало готовиться к освобождению их сверху. «Это было время, когда правительство получало двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение. Потому-то правительство, подхлестываемое с двух сторон, вынуждено было уступить и заговорило об освобождении крестьян: «Мы должны сами освободить крестьян сверху, а то народ восстанет и собственными руками добьётся освобождения снизу»³. Многие ждали манифеста об освобождении крестьян, но далеко не все верили в истинность свободы, которую готовилось «даровать» царское правительство. И, как показала действительность, опасения эти были не напрасны.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 29.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 206.

В манифесте передовые люди России, во главе которых стоял выдающийся революционный демократ Чернышевский, увидели не свободу, а замаскированное крепостное право.

Рост недовольства против самодержавия создал благоприятную почву для революционно-освободительного движения в царской России. Во главе этого движения становятся революционеры-разночинцы, идейным вождем которых был Н. Г. Чернышевский. «Декабристы,— говорил Ленин,— разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»¹.

Революционный подъем, мощное развитие революционно-демократического и общественного движения в России, охватившие в этот период в целом всю страну, нашли также свое яркое отражение и в русской армии. Непосредственным толчком к возбуждению недовольства у передовой части офицерства русской армии существующими порядками явилось поражение в Крымской войне. Война показала всю гнилость и несовершенство военной организации царской России. Армия нуждалась в немедленных и серьезных преобразованиях.

Царская армия страдала существенными недостатками в области военного управления, комплектования, вооружения, снабжения, а также в области воспитания и обучения войск. Офицерский состав в большинстве своем был слабо подготовлен в военном отношении. В обучении и воспитании войск господствовала прусско-гатчинская система. На первом плане была показная сторона. Учили тому, как вести себя на параде, а не тому, что потребуется на войне.

Такая система подготовки войск целиком соответствовала воле надменного самодержца Николая I. «Мне не нужно ученых голов, мне нужны верноподданные»² — было его частым и любимым изречением. Также смотрел на обучение войск и полуграмотный генерал О. И. Сухозанет, в то время начальник военной академии, а впоследствии — военный министр. В одной из своих речей перед учащимися

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14—15.

² Е. В. Тарле, Крымская война, т. I, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1950 г., стр. 63.

академии он заявил: «Наука в военном деле не более, как пуговица к мундиру... без науки побеждать возможно...»¹.

Вооружение русской армии было тоже весьма не совершенным, так как оно базировалось на отсталой экономике страны. Солдаты в основном были вооружены гладкоствольными кремневыми и ударными ружьями, которые заряжались с дула. В полках было лишь по нескольку штуцерных ружей. На вооружении артиллерии также в основном были гладкоствольные пушки, стреляющие на 400—500 сажен.

В армии процветало воровство. Солдат плохо одевали и кормили, им почти не оказывали медицинской помощи. Деньги, отпускаемые на содержание солдат, шли в карман их командиров и интендантов. Воровство в то время приняло настолько обычный характер, что один командир пехотной бригады, — как об этом пишет Е. Тарле², — выдавая свою дочь замуж, дал ей в приданое половину того, что он будет отныне красть из сумм, отпускаемых на продовольствие солдат.

Положение крестьянина-солдата было исключительно тяжелым. Военная служба, длившаяся 25 лет, была одним из самых тяжелых явлений народной жизни. Видя все это, передовое офицерство русской армии уже в ходе Крымской войны и особенно после ее окончания подвергало резкой критике общее состояние армии, выступало в защиту солдата, который находился в крайне тяжелом состоянии. В армии росло недовольство, развивались оппозиционные и революционные настроения. Передовым офицерам было ясно, что положение дел в армии дальше так продолжаться не может. Одни — настроенные оппозиционно — считали, что нужны коренные реформы в армии, другие видели необходимость уничтожения всей прогнившей насквозь феодально-крепостнической системы революционным путем.

Несмотря на жестокую расправу, учиненную царским самодержавием с декабристами, революционное движение в русской армии не прекращалось. Когда царское правительство послало в 1849 г. свои войска в Венгрию для подавления вспыхнувшей там революции, в русской армии, как и в русском народе в целом, было немало передовых людей, которые сочувствовали венгерскому народу. Одну из групп военных, которые сочувственно относились к вен-

¹ Е. В. Тарле, Крымская война, т. I, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1950, стр. 65.

² Там же, стр. 46.

грам, возглавлял капитан Алексей Гусев. Участники этой группы проводили тайные собрания, на которых обсуждали способы помощи восставшему венгерскому народу. По приговору военного суда Гусев и его товарищи были повешены царским правительством. Ныне одна из улиц венгерской столицы носит имя русского офицера Гусева, отдавшего свою жизнь за освобождение венгерского народа. Кстати говоря, Н. Г. Чернышевский, тогда еще юноша, также с горячим сочувствием относился к революционной Венгрии. «Победа над венграми прискорбна», — писал он в своем дневнике 6 августа 1849 г.

Огромное влияние на революционизирование армии оказал Герцен, который, по словам Ленина, сыграл «великую роль в подготовке русской революции». Главным его оружием была литературная деятельность, при помощи которой он вел воспитание масс, готовя их к революционной борьбе. Герценовский «Колокол» и «Полярную звезду» читали во всех слоях русского общества. Эти издания проникали и в воинские части.

Герцен продолжал революционные традиции декабристов. Вместе с Огаревым он начал издавать в Лондоне журнал «Полярная звезда» с изображением на обложке медальона с силуэтами голов повешенных декабристов. «Полярная звезда», — как об этом говорил Ленин, — подняла традицию декабристов». Этот журнал, нелегально распространявшийся в России, пользовался большой популярностью среди военных. В одном из номеров другого герценовского издания — журнала «Колокол» была напечатана прокламация, в которой, в частности, говорилось: «Офицеры! За вами блестящие предания — за вами 14 декабря 1825! Великие тени Пестеля, Муравьева и Бестужева зовут вас к отмщению!»¹.

Рост крестьянского движения в стране, развитие общего революционного подъема на рубеже 50-х и 60-х годов оказывали значительное влияние на передовую часть офицерства русской армии; революционные идеи все глубже и глубже проникали в армейскую среду. Нарастанию и оформлению революционных настроений в русской армии в значительной степени способствовал журнал «Военный сборник» (1858 г.). Особенно широко революционные идеи стали проникать в армию в годы революционной ситуации.

¹ А. И. Герцен, Полное собрание соч., под редакцией М. К. Лемке, т. XV, Петроград, 1919, стр. 531.

В этом огромная заслуга Чернышевского. В Петербурге, а также в ряде провинциальных военных гарнизонов существовали офицерские кружки. Многие из них возникали под влиянием Н. Г. Чернышевского и часто назывались его именем. Передовые революционные идеи проникали также и в военно-учебные заведения, где создавались тайные кружки, члены которых читали произведения Герцена и Чернышевского. П. Кропоткин, будучи учащимся Пажеского корпуса, писал в 1858 г. своему брату Александру: «...теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся же теперь в скором времени...»¹.

В одном из батальонов Варшавского гарнизона был создан нелегальный революционный кружок. Его возглавляли молодой, 21 года, подпоручик П. Сливицкий и поручик Ив. Арнгольд. Они знакомили солдат с революционными идеями Герцена, читая им его произведения. Впоследствии активное участие в кружке принял унтер-офицер Ф. Ростковский, а также рядовой Л. Шур. Они помогали офицерам сблизиться с солдатами, несли революционные идеи в другие подразделения и части.

В результате доноса кружок был раскрыт, а его руководители подвергнуты военно-полевому суду. Их признали виновными «в возбуждении нижних чинов к явному неповиновению начальству и к бунту, в том, что они имели у себя «возмутительного содержания» сочинения и распространяли их среди нижних чинов и, наконец, «вообще в распространении между нижними чинами крайне зловредных идей, имевших целью поколебать в них дух верности и повиновения законным властям»².

Арнгольд, Сливицкий и Ростковский были приговорены к смертной казни и 16 июня 1862 г. расстреляны. Рядовой Шур был приговорен к наказанию шпитецрутенами и ссылке, но после наказания он также умер. Перед казнью приговоренные написали «духовное завещание» солдатам и передовым офицерам русской армии, в котором призывали их не складывать оружия, а продолжать борьбу. Угнетателей сотни, «а вас тысячи; поймите это, соединитесь дружно и злодеев не станет. Не бойтесь истребить их: их кровь облагородит, а не опозорит вас. Соединяйтесь с верою — с

¹ П. и А. Кропоткины. Переписка, т. I, изд. «Академия», 1932 г., стр. 80.

² М. Лемке, Революционный кружок офицеров и солдат, «Красный командир», № 20—21, 1921 г., стр. 33—34.

вашиими офицерами. Они поведут вас на утеснителей, они доставят вам свободу и благоденствие. Пусть кровь наша, готовая пролиться, скрепит ваш союз с нами — тогда мученичество наше не пропадет даром. Умираем с этой мыслью не жалея; благословляем вас на святой подвиг»¹. По другим источникам, это завещание было написано не казненными, а политической офицерской организацией, оставшейся не раскрытой в Варшаве.

Этот пример показывает, как в полках варшавского гарнизона зрело революционное движение. С особой силой оно проявилось в дни, когда польский народ поднял восстание против гнета царского самодержавия. В это время было немало случаев неповиновения войск своим командирам. Целые роты, батальоны, полки, эскадроны и батареи отказывались стрелять по восставшим. Это показывало, что войска уже не были вполне надежной опорой самодержавия.

Казнь руководителей революционного кружка Арнольда и других вызвала негодование в революционных кругах русского общества. После расстрела подсудимых товарищи их П. И. Огородников, Зейн и Горский-Данилович отслужили по расстрелянным 24 июня 1862 г. демонстративную панихиду, за что были заключены в тюрьму в крепости Модлине на срок от 9 месяцев до 1 года.

Весть о казни офицеров русской армии дошла и за границу. Известный итальянский революционер Гарибальди писал по этому поводу Герцену: «...верю вам и знаю, что народ русский так же благороден и несчастен, как и все другие народы, и что он неповинен ни в виленских истязаниях, ни в варшавских виселицах; я знаю, что и на вашей родине бродит дух свободы и будущего; я вспоминаю, что многие офицеры предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству в Польше»².

Небезинтересно отметить, что в те годы деятельное участие в революционном движении в армии принимал отец Н. К. Крупской поручик Константин Игнатьевич Крупский. Вот что писала о своем отце Н. К. Крупская: «Мой отец был шестидесятник-революционер. Он учился в Михайловском Артиллерийском училище, где среди тогдашней военной молодежи велась революционная агитация тогдашней «Земли и Воли»... Когда началось польское

¹ М. Лемке, Революционный кружок офицеров и солдат, «Красный командир», № 20—21, 1921 г., стр. 33—34.

² А. И. Герцен, Соч., т. XVII, стр. 38.

восстание 1863 г., их мобилизовали на подавление восстания. Отец примкнул к тогдашней революционной организации офицерства, помогал побегам поляков, отводил свою роту в сторону, за что его чуть не пристрелил унтер...»¹.

Особенно широкий размах революционное движение в армии получило после крестьянской реформы. Оно явилось прямым отзвуком возросшего крестьянского движения, вызванного царским манифестом от 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. «Чем глубже возмущение в народе, тем ненадежнее становится войско...»², — писал Ленин. Передовая часть офицерства вела среди крестьян большую пропагандистскую работу. Это выражалось в составлении прокламаций и подложных манифестов, в побуждении к выступлениям против помещиков, а также в прямом призыве к вооруженному восстанию.

Вожди революционно-демократического движения придавали большое значение прокламациям и всякого рода воззваниям. При помощи их они стремились связаться с широкими массами народа, а также с солдатами и офицерами русской армии. На первых порах важно было добиться такого положения, чтобы армия отказалась стрелять по восставшему народу. Многие прокламации печатались Герценом за границей, а некоторые — непосредственно в России. 1 июля 1861 г. в «Колоколе» было напечатано воззвание «Что нужно народу?» В нем давался совет: «Пуще всего надо народу сблизиться с войском. И отец ли, мать ли снаряжает сына в рекруты — не забывай народной воли, бери с сына клятву, что по народу стрелять не будет, не будет убийцей отцов, матерей и сестер кровных, кто бы ни дал приказ стрелять, хотя бы сам царь, потому что такой приказ, хотя бы и царский, все же приказ океанный. За тем ищи себе друзей и по выше.

Когда найдется офицер, который научит солдат, что стрелять по народу грех смертный — знай народ, что это друг его, который стоит за землю мирскую да за волю народную»³.

В июле 1861 г. в Петербурге появилась прокламация «Великорусс» № 1, одним из составителей которой был молодой офицер в отставке, сотрудник журнала «Совре-

¹ М. В. Нечкина, Н. П. Огарев в годы революционной ситуации, Известия Академии наук СССР, Серия истории и философии, т. IV, № 2, 1947, стр. 119.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 78.

³ А. И. Герцен, Соч., т. XI, стр. 145.

менник» В. А. Обручев. Кроме того, в состав комитета «Великорусса» входили офицеры: полковник Н. Н. Обручев (двоюродный брат В. А. Обручева), поручик В. Ф. Лугинин, штабс-капитан Н. П. Трубецкой и др.

В связи с тем, что царский манифест об освобождении крестьян вызвал огромную волну народного возмущения и открытые выступления против помещиков, 4 сентября 1861 г. войскам был дан приказ, которым предлагалось стрелять по крестьянам, выражающим протест против реформы. В ответ на царский приказ появились прокламации и воззвания, призывающие солдат отказаться от вооруженного подавления крестьянских волнений. В этот период вожди революционного движения ставили своей целью поднять политическую сознательность солдат, внушить им необходимость борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания.

8 ноября 1861 г. в «Колоколе» была напечатана статья «Что надо делать войску?» Статья эта написана, как было впоследствии установлено М. Лемке по архивным данным семьи Герцена, Огаревым и Н. Н. Обручевым при содействии Н. А. Серно-Соловьевича. В этой статье давался совет войскам, что в случае, если им царь прикажет стрелять в народ, то они должны «не ходить против народа. Только этим войско может спасти Россию от беды и кровопролития... Царь приказывает,— говорилось далее в статье,— послать солдат против народа, со штыком и саблей, с пулей да картечью, проливать кровь отцов и братьев, матерей и сестер! Солдаты должны помнить, что они взяты на службу насильно, или из помещичьих, или из казенных крестьян, что их отцы и братья и теперь или помещичьи, или казенные, что и тем и другим нужна земля да воля. И вдруг солдаты пойдут их бить для того, чтобы царь мог у них отнять и землю и волю для своих помещиков и чиновников! Да этого быть не может; это противно смыслу и совести».

Статья призывала солдат и офицеров не стрелять в народ, не останавливаясь перед угрозой наказания за это. «Положим, что первого офицера или солдата, которые откажутся стрелять по народу, сошлют на каторгу, или прогонят сквозь строй, или расстреляют. Есть из-за чего и пострадать; умели страдать в Севастополе за ни что, а тут за народное дело — да не пострадать, стыдно. Ну — пусть одного, двоих расстреляют, зато другие офицеры и солдаты последуют их примеру, кровь народная не польется...

одного наказать за пьянство легко; а наказать сто человек за любовь к народу — мудро, а тысячу человек и того мудренее, а сто тысяч, а шестьсот тысяч и способу нет»¹.

В России эта статья появилась в декабре 1861 г. и распространялась в виде прокламации. Особенно широкое распространение она получила в войсках. В Гродно, например, солдаты, возвратившись из церкви, находили эту прокламацию в карманах и за обшлагами своих шинелей.

Но были прокламации, в которых призыв к армии не ограничивался пассивным отказом от расстрелов выступавших крестьян, а давался совет повернуть свое оружие против угнетателей. «...Если у вас не найдется силы сказать «нет» — идите, — говорится в прокламации «К молодому поколению», написанной Шелгуновым. — Но первый залп, который вам велит сделать в своих, сделайте в тех, кто вам велит его сделать — и уж за одно это благословит вас народ»². В этой прокламации Шелгунов призывал военную и гражданскую молодежь организовывать революционные кружки, готовиться к восстанию.

О том, какое большое влияние тогда оказывало революционное движение на русскую армию, говорит такой факт. Поручик Михаил Степанович Бейдеман, окончив в декабре 1860 г. Константиновское военное училище, не явился в полк, куда он был направлен, а под чужой фамилией бежал за границу. Он пробрался в Италию и вступил там в ряды гарибальдийцев. В июле 1861 г. Бейдеман нелегально вернулся в Россию. Здесь он был задержан и препровожден в III отделение. Бейдеман категорически отказался отвечать на вопрос о том, почему он уезжал из России. Но зато о причине своего возвращения на родину он сказал:

«...Я воротился на родину для того, чтобы *отмстить* за все страдания, которые она переносит и перенесла, — за глубокое, мерзкое рабство, в которое погрязли и несчастный русский народ, и русское общество, и которое поддерживается развратным, грабящим и убивающим в самом зародыше все благородные начатки народного развития правительством; — за пролитую и проливаемую кровь бедных крестьян, кругом опрабленных и обворованных гнуснейшим правительственным произволом...»³.

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XI, стр. 320.

² Н. В. Шелгунов, Воспоминания, М.-П., 1923, стр. 302.

³ А. И. Герцен, Соч., т. XI, стр. 432—433.

А. И. Герцен рассказывает о том, как, будучи проездом в Лондоне, навестил его один полковник русской армии. На вопрос Герцена, много ли получают его изданий в русской армии, полковник ответил: «Много... Да, ведь, сколько и лист-то каждый читают: до дыр, до ключев читают и зачитывают; есть охотники — даже переписывают»¹.

Таковы те революционные настроения, которые развивались в русской армии после Крымской войны в период первого демократического подъема. Они имели огромное значение, хотя и нельзя их идеализировать, так как только небольшая часть офицеров царской армии была настроена революционно, многие же офицеры находились лишь в оппозиции к существующему строю. Что же касается солдат, то они в массе своей еще были темны и забиты. Это отлично сознавали вожди революционной демократии. Зная, что преждевременное выступление войска обречено на провал, Герцен писал: «Звать к оружию можно только накануне битвы. Всякий преждевременный призыв — намек, весть, данная врагу, и обличение перед ним своей слабости.

А потому оставьте революционную риторику и займитесь делом. Соединяйтесь плотнее между собой, чтобы вы были сила, чтобы вы имели единство и организацию; соединяйтесь с народом»².

Офицерские революционные кружки в то время не имели определенной программы борьбы. Их объединяло между собой главным образом общее для всех отрицательное отношение к царскому произволу. Герцен указывал, что в России не было тогда «ни одного вопроса достаточно разработанного и общего, чтоб во имя его могла собраться мощь, и мощь достаточная, чтоб бросить перчатку правительству с уверенностью, что ее поддержат в борьбе... Ни одна задача из возбужденных задач не была ни так разработана, ни так обща, ни так ясна, чтоб сделаться хорутвью»³.

Но это обстоятельство отнюдь не разоружало вождей революционной демократии. Напротив, оно заставляло их еще более активно и настойчиво вести работу по подготовке масс к революции. Во что бы то ни стало армию необходимо было привлечь на сторону народа. Эту задачу и поставил перед собой Н. Г. Чернышевский. Выступление

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XIV, стр. 370.

² Там же, т. XV, стр. 375.

³ Там же, т. XVIII, стр. 266.

декабристов в 1825 г. было для него лишним доказательством того, что этого добиться можно. Поэтому Н. Г. Чернышевский наряду с огромной нелегальной работой, осуществляемой им, наряду с напряженной общественно-литературной деятельностью в «Современнике» охотно принял предложение взяться за редактирование «Военного сборника». При помощи этого журнала, используя легальные возможности для пропаганды революционных идей, он много и упорно работал над демократическими преобразованиями в армии, стремясь превратить ее из опоры царского самодержавия в защитницу интересов народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ЖУРНАЛА «ВОЕННЫЙ СБОРНИК». ПЛАН Д. А. МИЛЮТИНА

В связи с распространением революционно-освободительных идей в стране, а также в связи с Крымской войной в России усилился интерес к периодической печати, на страницах которой велось обсуждение будущих преобразований. Все это не могло не отразиться и на военной периодической печати. Однако передовая военная мысль тщетно искала удовлетворения своих запросов в тогдашней военной печати.

В ту пору в царской России, кроме специальных военных журналов — артиллерийского и инженерного, — выходили газета «Русский инвалид» и «Военный журнал». «Русский инвалид» — «газета военная, литературная и политическая», как значилось в ее заголовке, по существу не являлся специальным военным органом. Это, скорей, был рупор реакции. Газета выходила небольшим форматом, к тому же часто на одном листе (две полосы). Ее страницы нередко сплошь заполнялись «высочайшими приказами», так как в то время «Русский инвалид» был единственной официальной правительственной газетой.

Статьи на военные темы появлялись далеко не в каждом номере газеты. Их характер и содержание никак не могли удовлетворить потребностей читателя того времени, тем более, что «Русский инвалид» повествовал о военных событиях, а не анализировал их. Читатель требовал, чтобы ему были показаны истинные причины поражения в Крымской войне, но «Русский инвалид», вокруг которого группировалась наиболее консервативная часть русского генералитета и офицерства, не мог, конечно, вскрыть эти причины.

Что же касается «Военного журнала», то, будучи специально военным органом, он, однако, также не отвечал запросам времени. Статьи его были сухи, оторваны от жизни. Журнал старательно обходил стороной события недавней войны, скрывая от читателей причины поражения царской армии. А потому и он, так же как и «Русский инвалид», не мог привлечь к себе в качестве печатного органа внимание передовых военных мыслителей того времени. Да и можно ли было с уважением относиться к таким изданиям, если они в дни Крымской войны, когда все с жадностью следили за известиями из действующей армии, часто заполняли свои страницы сведениями о шампанском, о женских модах и др.

Назревала потребность в живом критическом военном слове. Именно в этот период родилась идея создания нового военного журнала «Военный сборник» — по примеру уже существовавшего журнала на флоте. Военно-морским флотом с 1848 г. издавался журнал «Морской сборник», который еще в годы Крымской войны и особенно после нее приобрел некоторую известность в стране. На его страницах печатались морские рассказы и повести, к сотрудничеству в нем были привлечены крупнейшие русские ученые и специалисты. Журнал печатал дискуссионные статьи по различным морским вопросам. Все это на некоторый отрезок времени сделало «Морской сборник» одним из прогрессивных русских журналов.

Идея создания нового журнала принадлежала Д. А. Милютину — впоследствии видному государственному деятелю, военному министру Александра II. Д. Милютин, как известно, был одним из наиболее ярких представителей российского либерализма. С его именем неразрывно связаны военные реформы 1860—1874 годов, коснувшиеся всех сторон устройства вооруженных сил России и ставившие своей целью создание современной массовой армии. Являясь сторонником осуществления буржуазных преобразований, которые он рассматривал как средство укрепления самодержавия, Милютин крайне отрицательно относился к революционным методам борьбы со старым прогнившим феодально-крепостническим строем.

Милютин понимал, что в подготовке будущих реформ, необходимость которых он ясно сознавал еще задолго до того, как стал военным министром, видную роль должна сыграть военная периодическая печать. Поэтому он, тогда профессор Николаевской академии генерального

штаба, в особой записке¹, составленной в июне 1856 г. на имя товарища военного министра генерала А. А. Катенина, обосновал целесообразность создания нового военного журнала.

В этой записке Милютин писал: «Никогда не чувствовалось в такой мере, как в настоящее время, сколь необходимо для благоустроенной армии иметь офицеров образованных, не в одних лишь специальных ведомствах, но и во всех вообще родах оружия». Необходимость этого Милютин считает очевидной, «но следует, — пишет он, — ныне изыскивать средства к тому, чтобы образованность распространялась сколь возможно на большую массу русских офицеров».

Автор записки сожалел, что в этой массе только самая незначительная часть офицеров имела средства и желание заботиться об умственном своем развитии. Большая же часть после окончания военно-учебных заведений оставляла книги и не только не совершенствовала полученные знания, а напротив, забывала все приобретенное в годы учения. «Мало-помалу, — говорил Милютин, — офицер приучается смотреть на науки с пренебрежением, считая их годными только для экзамена и неудобоприменимыми в настоящей службе; он тупеет и делается действительно неспособным применять к делу какое-либо полезное знание».

Вместе с тем Милютин боялся распространения «дурного» влияния на русское офицерство. «Офицеры, — писал он, — большей частью бросаются на одни литературные журналы и ограничиваются чтением повестей, романов и других беллетристических произведений, не только не ведущих нисколько к распространению образования, но редко имеющих благоприятное влияние на развитие вкуса или чувства изящного». Из этого Милютин делал вывод, что назрела настоятельная потребность в издании журнала, который удовлетворял бы высказанным им, Милотиным, требованиям.

По мнению будущего военного министра, Россия нуждалась в таком журнале, который, во-первых, по своему содержанию был бы по силам наибольшей массе офицеров, «первоначально приохотил бы их к чтению и затем уже нечувствительно для них самих содействовал бы военному их образованию». И, во-вторых, по своему объему и по

¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина, ф. Д. А. Милютин, д. 7954.

цене был бы доступен для самого бедного, как он выражался, из армейских офицеров. Эти два условия, по мысли Милютина, должны были, с одной стороны, определить программу журнала, с другой — средства издания.

Вскоре после того, как была составлена эта записка, Милютин уехал из Петербурга на Кавказ, будучи назначен исполняющим должность начальника Главного штаба войск Кавказской армии. Мысль о создании нового журнала поэтому не была в то время осуществлена. Дальнейшей разработкой этой мысли в конце 1857 г. занялось командование отдельного гвардейского корпуса. Командир корпуса генерал Плаутин и начальник штаба корпуса генерал Баранов рапортом от 1 ноября 1857 г. за № 2528 представили военному министру записку «Об издании «Военного сборника»¹. В этом документе в несколько перефразированной форме излагались мысли, высказанные Милютиным.

В записке указывалось: «У нас не пишут теперь потому, что нет читателей, не читают потому, что нет сочинений, а от этого и происходит, что офицеры наши, даже наиболее образованные, собравшись вместе, **говорят и рассуждают обо всем, кроме военного дела.** Для выхода из столь тяжелого и для службы вредного положения необходимо пробудить любознательность в офицерах нашей армии, необходимо дать средство способным и знающим офицерам писать и печатать написанное ими и в то же время офицерам недостаточным, отдаленным от центров умственной деятельности, доставить за дешевую цену полезное и занимательное чтение. Достигнуть этого можно всего скорее периодическим изданием «Военного сборника», который подобно «Морскому сборнику», будучи распространен между офицерами сухопутного ведомства, мало-помалу приучит их интересоваться военным делом, будет уяснять им важность и значение каждого нововведения, каждого требования начальства. Тогда как теперь многие из постановлений остаются у нас без исполнения, весьма часто потому только, что офицеры не сознают пользы и необходимости их».

К рапорту командира гвардейского корпуса была также приложена копия записки Д. А. Милютина, названная здесь «Предположением об издании журнала «Военный

¹ Центральный государственный военно-исторический архив в Ленинграде (ЦГВИАЛ), ф. 450, д. 273, л. 1—12.

сборник» неизвестного автора». (Эта копия не имеет подписи. Милютин почему-то скрыл свое авторство.)

Для окончательной разработки проекта издания журнала был создан особый комитет. Он составил «Мнение комитета об издании «Военного сборника»¹, которое и удостоилось «высочайшего утверждения» 6 января 1858 г. Комитет окончательно выработал также программу журнала. Журнал решено было издавать при штабе отдельного гвардейского корпуса. Перед «Военным сборником» ставились задачи: доставить офицерам русской армии «за возможно дешевую цену полезное и занимательное чтение, возбудить в них любознательность и охоту к военному образованию; офицерам же, наиболее способным и знающим, дать средства сообщать свои знания через печать всем товарищам по оружию».

Программа журнала целиком основывалась на записке Милютина. Она состояла из четырех отделов: первый отдел — официальный (извлечения из высочайших приказов и разных распоряжений по военному ведомству); второй отдел — военных наук (тактика, военная история, военная статистика, военная администрация, фортификация и артиллерия); третий отдел — литературный (рассказы из военного быта, мемуары, путешествия, биографии) и четвертый отдел — «Смесь» (сюда входила и библиография). Журнал должен был выходить ежемесячно, книжками около 20 печатных листов в каждой. Ему отпускалась субсидия в размере 12 тыс. рублей в год.

В записке командования гвардейского корпуса «Об издании «Военного сборника» имеется ссылка на журнал военно-морского флота «Морской сборник». Вторым журналом, оказавшим влияние на организаторов создания «Военного сборника», был, несомненно, «Современник». Он пользовался в те годы громадным успехом главным образом благодаря Н. Г. Чернышевскому, имя которого уже было широко известно в России. «Современник» был тем центром, вокруг которого группировались передовые писатели и журналисты России. При помощи доступных ему средств журнал распространял в массах прогрессивные, революционные идеи. В этот период на его страницах, кроме Чернышевского, печатались произведения Добролюбова, Некрасова и других видных писателей России. «Со-

¹ ЦГВИАЛ, ф. 450, д. 273, л. 13—31.

временник» оказывал влияние и на передовую часть русского офицерства. Он пользовался в войсках большой популярностью. Журнал «Современник» «читался, — как об этом пишет П. А. Кропоткин, — в гвардейских полках едва ли не столько, сколько в либеральных кружках»¹.

Не случайно поэтому уже в записке Милютин мы находим ссылки на «Современник». Так, например, говоря о шрифтах для «Военного сборника», он пишет: «Шрифты предположит. избрать для отдела неофициального — корпус обыкновенный, таким шрифтом печатают в «Современнике» ученые статьи». Как видно, Милютин составлял свою записку явно под влиянием «Современника». Он даже в шрифтах стремился копировать этот журнал. Очевидно, ему хотелось иметь военный журнал, который бы пользовался такой же популярностью.

Однако копирование «Современника» и даже «Морского сборника» шло исключительно только по линии формы, а не содержания. Что же касается содержания, то здесь планы организаторов «Военного сборника», а также и царя заключались в том, чтобы создать журнал, который по содержанию был бы противопоставлен «Современнику» и даже военно-морскому журналу «Морской сборник», в котором временно были приоткрыты двери для либеральных высказываний в интересах воссоздания флота после Крымской войны.

Организаторы «Военного сборника» стремились оградить сухопутные войска от «дурного» влияния существовавших тогда прогрессивных периодических изданий. Им хотелось создать новый военный журнал, который пользовался бы такой же популярностью, как «Современник» и «Морской сборник», но имел бы во всем угодное царскому правительству направление, иначе говоря был бы рупором царского самодержавия, рупором реакции.

Организаторы «Военного сборника» также немало позаботились о том, чтобы оградить журнал соответствующими цензурными рогатками от всего «недозволенного». Военный министр в своем первоначальном предположении предлагал подчинить сборник цензуре при III отделении. Он писал: «Но как редакция по незнанию всех политических видов правительства может иногда сделать шаг ненамеренно неосторожный, то удобнее всего было бы и для правительства и для успешного хода издания подчинить

¹ П. и А. Кропоткины, Переписка, т. I, стр. 29.

«Военный сборник» цензуре, имеющейся при III отделении собственной его императорского величества канцелярии»¹.

Но это предложение не прошло. Вокруг вопроса о том, чтобы освободить «Военный сборник» от военной цензуры велся большой спор.

Комитет по подготовке издания был против этого. «Комитет не находит никаких уважительных поводов, — говорилось в его докладе, — изъять новый сборник от военной цензуры и полагал бы подобное изъятие весьма вредным»².

Возражая комитету, командир корпуса мотивировал свою мысль тем, что журнал будет издаваться под наблюдением военного начальства, поэтому военная цензура ему не нужна. «Ошибки и фальшивые взгляды на предмет науки, — писал он, — должны быть опровергаемы критикой, а не цензурными запрещениями». Гораздо больше он боялся другого. «Нельзя у нас допустить, — указывал он, — свободы рассуждений в вопросах политических и гражданских»³. Ценное признание! Именно этой «свободы рассуждений» царское самодержавие боялось больше всего.

Доводы командира корпуса оказались для царя убедительными. Решено было подвергнуть журнал гражданской цензуре с тем, чтобы в отделе «Смесь» «помещались статьи, относящиеся до **войск или вообще до военного дела**, отнюдь не допуская в сем отделе журнала других каких-либо посторонних предметов»⁴. Такова была установка царя. 28 ноября министр народного просвещения Ковалевский сообщал попечителю санкт-петербургского учебного округа, что «Военный сборник» надлежит «подвергнуть впредь общим правилам цензуры, т. е. статьи сего журнала, относящиеся к предметам военного ведомства, и потому подлежащие его рассмотрению, отправлять из общей цензуры предварительно на заключение лица, назначенного от военного Министерства для сношений с цензурным Комитетом»⁵.

Итак, журнал «Военный сборник» решено было издавать при штабе отдельного гвардейского корпуса, под главным наблюдением начальника штаба корпуса. Последний должен был подобрать «главного и частных редакторов,

¹ ЦГВИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. 151675, л. 3—10.

² Там же, ф. 450, д. 273, л. 13—31.

³ Там же, л. 33—36.

⁴ Там же, л. 46.

⁵ Там же, ф. 777, д. 24, оп. 2, л. 9.

а сии последние — сотрудников»¹, — указывалось в программе журнала.

Командование гвардейского корпуса решило главную редакцию возложить на Н. Г. Чернышевского. Царское правительство в то время еще не отдавало себе ясного отчета в том, что представляет собой Чернышевский. Если бы оно понимало, что он — убежденный революционер и непримиримый враг существующего порядка, оно никогда не решилось бы поставить его во главе такого ответственного дела, как издание военного журнала, притом официального характера. Выбор пал на Чернышевского еще и потому, что он уже в то время был известен в среде офицеров царской армии. Важную роль сыграло его знакомство с Милютиным и Карцевым, которые видели в Чернышевском «известного писателя».

¹ ЦГВИАЛ. ф. 772, д. 151675, оп. 7, л. 3—10.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВЯЗИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО С ПЕРЕДОВОЙ ЧАСТЬЮ ОФИЦЕРСТВА РУССКОЙ АРМИИ

В те годы все более и более росла популярность Чернышевского среди военных. К Чернышевскому особенно тянулась та часть офицерской молодежи, которая состояла преимущественно из разночинцев или бедного дворянства. Она во многом разделяла взгляды вождя революционной демократии. Редактирование Чернышевским «Военного сборника» было одним из важных факторов, породивших его большую популярность в среде военных. О том, как сильно было в тот период влияние Чернышевского на офицеров царской армии, свидетельствуют современники.

Воспитанник военной школы, а в начале 80-х годов один из виднейших деятелей военной организации партии «Народной воли» — М. Ю. Ашенбреннер рассказывает: «От (учителя) М. мы впервые услышали о Белинском, Чернышевском и Добролюбова. Он указал нам на «Современник»... Добролюбова мы читали и читали, но Чернышевский имел на нас более сильное и прямое влияние. Его мы знали наизусть, его именем клялись, как правоверный магометанин клянется Магометом, пророком Аллаха»¹.

О силе влияния Чернышевского на военных рассказывает также другой его современник — М. П. Сажин: «Я был тогда (60-е годы) студентом Петербургского Технологического института. В то время было очень сильно влияние Чернышевского. В Петербурге в середине 60-х годов среди офицеров, по преимуществу артиллеристов, образовался кружок «чернышевцев», куда входил и я. Из членов этого

¹ М. Ашенбреннер, Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания, М., 1924, стр. 5.

кружка я сейчас припоминаю офицеров-артиллеристов: Богданова, братьев Черновых, Альтфатера, Юдина, полковника Колесова и офицера генерального штаба Гейнса»¹.

Николай Гаврилович также стремился установить тесные связи с русским офицерством. Первое его знакомство с военными относится еще к 1853 г., когда он с помощью И. Введенского, пользовавшегося большой популярностью среди педагогов военно-учебных заведений, переехал из Саратова в Петербург и поступил учителем русского языка во 2-й кадетский корпус. Здесь Чернышевский показал себя превосходным преподавателем. Но в кадетском корпусе он продержался недолго — не более года. Из-за того, что он не дал дежурному офицеру унять шумевший класс, ему пришлось оставить корпус. Перейдя в начале 1854 г. в «Современник», Чернышевский продолжал свои попытки установить связи с передовыми русскими офицерами.

К этому времени, как уже было сказано, относится также знакомство Чернышевского с Д. А. Милютиным, в то время профессором Николаевской академии генерального штаба, и оберквартирмейстером гвардейского корпуса Карцевым, с которым его, повидимому, познакомил Милютин. В этот период Чернышевский часто устраивал у себя на дому так называемые журфиксы, на которых, по словам Плещеева, «бывало... много военных»².

Особенно большие связи в военной среде завязал Чернышевский во время работы в редакции «Военного сборника». Н. Николадзе — участник студенческого движения 60-х годов — рассказывает в своих воспоминаниях о том, что в этот период в доме Николая Гавриловича «особое внимание обращали ...военные офицеры генерального штаба, между которыми было много полковников, но бывали и генералы»³.

Н. Г. Чернышевский был также связан с полковником П. Л. Лавровым. В деле аудиториатского департамента военного министерства, в котором содержались бумаги, связанные с привлечением Лаврова к судебной ответственности, имелось указание на то, что среди бумаг, найденных в комнате матери полковника Лаврова, было письмо последнего к жене. В нем упоминалось о бывшей у него так

¹ М. Сагин (Арман Росс), Воспоминания, М., 1925, стр. 25.

² Саратовский сборник о Н. Г. Чернышевском, Саратов, 1926, стр. 155.

³ «Каторга и ссылка» № 5/34 за 1927 г., стр. 30—31.

называемой литературной сходке, на которой, кроме других лиц, присутствовал Чернышевский¹. Кроме того, в документах «комиссии военного суда, учрежденной при С.-Петербургском комендантском управлении», указывалось, что при обыске у Лаврова, кроме прочего, было найдено «несколько писем и др. бумаг, доказывающих сочувствие и близость его отношений к людям, известным правительству своим преступным направлением, каковы: бывший профессор Павлов, Чернышевский, Михайлов, Николай Утин и Альбертини»².

П. Лавров вместе с Чернышевским принимал близкое участие в комитете для оказания помощи большому числу выпущенных тогда из заключения студентов, лишенных всяких средств к существованию. Это сближало их обоих.

В деле Лаврова сохранилось письмо Чернышевского к Лаврову следующего содержания: «Петр Лаврович! Михаил Алексеевич Воронов (писатель-беллетрист, современник (1840—1873 гг.) Чернышевского. — *Н. М.*), мой старый приятель, покажет вам телеграмму, полученную мною из Кронштадта. Мне кажется, что надобно было бы отправить в Кронштадт с кем-нибудь (например, Михаилом Алексеевичем Вороновым, с студентом Лимановским или с другим поверенным) до 500 или 600 руб. из фонда на переезд освободившихся в Пет., а в Петерб. позаботиться о размещении их, до устройства их дел, по квартирам порядочных людей. Ваш Н. Чернышевский»³.

В записи показаний самого Лаврова сказано, что он «раза два был у Чернышевского, который, помнится, раз был у него, Лаврова»⁴.

Современник Чернышевского Л. Ф. Пантелеев — участник «Земли и Воли», часто бывавший в доме Чернышевского и находившийся с ним в довольно тесных отношениях, вспоминает, что Николай Гаврилович по возвращении из ссылки в 1889 г. в Астрахани рассказывал ему следующее: «Как Вы, может быть, помните, в «Современнике» несколько прохаживались насчет Петра Лавровича; в обществе, хотя и редко, мы встречались, но, конечно, держались друг от друга в стороне... но вот как-то довелось мне выходить с ним вместе из заседаний комитета (Литературного фонда); извозчик сразу не подвернулся, идем мы с ним в

¹ ЦГВИАЛ, ф. 9, д. 70, л. 304.

² Там же, л. 385.

³ Там же, л. 213.

⁴ Там же, л. 23.

одном направлении, разговорились; да и проходили мы по улицам Петербурга до рассвета, все друг друга до квартиры провожали, а разговор никак не кончается, наконец, зашли ко мне и еще часа два поговорили. Да, — подумавши, прибавил Чернышевский, — глубочайшее уважение имею к Петру Лавровичу»¹.

Само собой разумеется, что по взглядам Чернышевский и Лавров не были друг другу близки. Но это не мешало Чернышевскому относиться к Лаврову с уважением и доверием. Через Лаврова Чернышевский поддерживал связи в военных кругах. А это в предвидении революции имело для Чернышевского большое значение. Лавров — один из выдающихся деятелей общественного движения 60-х годов — в тот период был профессором артиллерийской академии. Общественно-политическая деятельность его началась еще накануне Крымской войны. В этот период он писал стихи, в которых обличал царское самодержавие и воспевал свободу. Его стихи распространялись в списках и печатались в зарубежных изданиях. Лавров был организатором и старшиной шахматного клуба, основанного в 1861 г. в Петербурге, который являлся центром общественной и литературной жизни столицы. В организации этого клуба принимал участие и Чернышевский.

Более близко Чернышевский был знаком с некоторыми другими офицерами, среди которых были революционно настроенные офицеры генерального штаба Н. Н. Обручев и его двоюродный брат В. А. Обручев, вышедший в отставку, чтобы заняться литературной деятельностью. В 1861 г. В. А. Обручев привлекался по делу «Великорусса»; Н. Н. Обручев в молодости был одним из организаторов и руководителей тайного общества «Земля и Воля», состоял членом общества «Великорусс», принимал участие в составлении прокламаций «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?». Он был также близок к Герцену и Огареву — посещал их в Лондоне во время своей заграничной командировки. Н. Н. Обручев являлся одним из виднейших деятелей революционного движения в русской армии в конце 50-х и начале 60-х годов. На формировании его революционных убеждений бесспорно сказалось его близкое знакомство с Чернышевским и Добролюбовым. Он был близок к Чернышевскому, часто посещал его, относился к нему с уважением и преклонялся перед

¹ Л. Пантелеев, Соч., т. I, СПб, 1908, стр. 167—168.

его литературной деятельностью. Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях указывает на то, что когда в кругу руководителей революционного движения в 1862 г. были распределены руководящие должности в будущем правительстве, Н. Н. Обручев предполагался на пост военного министра.

Впоследствии, как известно, Н. Обручев отошел от революционной деятельности и был даже назначен начальником генерального штаба царской армии.

Весьма вероятно, что через Чернышевского с офицерами русской армии установил связь и Добролюбов. Лемке в биографическом очерке о Добролюбове говорит, что «в начале 1859 года Добролюбов сходилась с двумя военными кружками. Один из них состоял из офицеров, слушателей Академии генерального штаба, а другой — из ее профессоров. Среди них выделялись: Н. Н. Обручев, С. Сераковский, Добровольский, Н. Д. Новицкий, Степанов, Станевич, В. М. Аничков и др.»¹. В архиве Пушкинского дома в Ленинграде хранятся письма и записки полковника Н. Н. Обручева к Н. А. Добролюбову. Эта переписка — также одно из свидетельств того, что Обручев был близок к вождям революционной демократии, возглавляемой Чернышевским.

Очень близок был Чернышевский к известному польскому революционеру офицеру Сигизмунду Сераковскому, сотруднику «Современника». Как об этом говорит сам Николай Гаврилович, Сераковский действительно был одним из тех немногих людей, которых он принимал в любое время и всегда был рад им. Через Сераковского, а также непосредственно своими литературными трудами Чернышевский оказал влияние и на многих других польских офицеров. К числу их относятся Я. Домбровский, Гейденрейх, Зверздовский. Впоследствии все они возглавили польские повстанческие отряды. Эта группа польских офицеров содействовала созданию революционной военной организации в Царстве Польском, которая затем примкнула к «Земле и Воле». Таковы были военные друзья и последователи Н. Г. Чернышевского из среды офицеров царской армии.

Будучи убежденным революционером, Чернышевский не мог недооценивать роли армии в будущем вооруженном восстании. Именно этим можно объяснить его стремление

¹ Н. Добролюбов, Соч., т. I, стр. СХХIII.

установить тесные связи с передовой частью офицерства царской армии. Учитывая ту огромную оппозицию, которую вызвало в среде русского офицерства крымское поражение, Чернышевский стремился привлечь на свою сторону эту передовую часть армии. Он хотел воспитать из среды офицеров людей, на которых можно было бы опереться в момент революционного переворота, в неизбежность которого Чернышевский неизменно верил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО НА ВОЙНУ И АРМИЮ

Редактируя «Военный сборник», Чернышевский не прекращал своей литературно-публицистической деятельности. В это время (1858 г.) он написал и напечатал ряд политически заостренных статей: «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Труден ли выкуп земли», «Критика философских предубеждений против общинного владения»¹. Кроме того, им была написана статья «Франция при Людовике Наполеоне»², но она не увидела света, так как была задержана цензурой.

В период работы в журнале, а также до и после этого Чернышевский своими произведениями много сделал для раскрытия социально-политической природы войны, разоблачения антинародного характера реакционных войн. Как один из выдающихся предшественников марксизма-ленинизма, он дал ряд ценнейших теоретических положений о войне и армии, которые ставят его гораздо выше «хваленых» немецких да и русских военных мыслителей того времени.

В вопросах военно-исторических и чисто военных Чернышевский обладал большой эрудицией. Об этом свидетельствуют современники. Л. Ф. Пантелеев рассказывает о том, как один поляк говорил ему, что «во время франко-прусской войны Чернышевский изумлял своими предсказаниями о ходе военных действий, точно он был посвящен в тайны германского генерального штаба... Все предсказания

¹ Н. М. Чернышевская-Быстрова, *Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского*, 1933, стр. 92.

² Отдел рукописей Института литературы (Пушкинский дом), ф. 250, оп. 2, ед. хр. 85.

его оправдывались, сражения именно происходили там, где он им назначал быть»¹.

Пантелеев вспоминает, что в разговоре с Н. Г. Чернышевским в Астрахани в 1889 г., уже после возвращения его из сибирской ссылки, они коснулись печального исхода польского восстания 1863 г. И, как говорит Пантелеев, Чернышевский прочел ему «маленькую лекцию о военном деле». «Иначе и быть не могло, — заявил Чернышевский Пантелееву. — ...У поляков была конница, а что она могла поделаться против пехоты? Да и конница наскоро сформированная. А теперь военное дело совсем иное, чем в старину». Он «долго говорил, — продолжает Пантелеев, — о влиянии нового вооружения на тактику и способы ведения войны»².

О компетентности Чернышевского в военных вопросах говорит также следующий факт, который приводит в своих воспоминаниях Пантелеев. Он рассказывает о том, как Чернышевский, говоря о своей работе в «Современнике», «особенно останавливался на одной из своих статей, а именно, рецензии на известную книгу Кинглека о Крымской кампании. В течение, может быть, двух часов, — говорит Пантелеев, — Н. Г. рассказывал содержание этой книги и притом с такими подробностями, что можно было подумать, что он сам был участником осады Севастополя, так хорошо знал он расположение бастионов, батарей, частей войск и т. д.»³.

Интерес Н. Г. Чернышевского к военной тематике не случаен. Военными вопросами он вынужден был заняться в силу той исторической обстановки, в которой ему пришлось жить и работать. Будучи вождем революционной демократии 50—60-х годов — периода, когда, по определению В. И. Ленина, в России складывалась революционная ситуация, Чернышевский не мог не понимать значения военной организации.

Он ясно сознавал неизбежность народной революции как единственного пути низвержения самодержавия. Но в то же время Чернышевский отлично знал, что армия является главным орудием в руках самодержавия в борьбе против революционного движения народа. Все важнейшие революционные выступления трудящихся масс, главным

¹ Л. Пантелеев, Соч., т. II, Из воспоминаний прошлого, СПб, 1908, стр. 182.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 209.

образом крестьянства, которые были в России в эпоху, предшествующую Чернышевскому, а также и при его жизни, неизменно подавлялись вооруженной силой самодержавия. Перед вождем революционной демократии стояла задача добиться такого положения, чтобы, во-первых, войска отказались стрелять в народ и, во-вторых, — и это было главным — привлечь передовое офицерство и солдат на сторону народа, создать свою революционную армию.

Эту важнейшую и сложную задачу Н. Г. Чернышевский пытался решить тремя путями: он печатал свои статьи в «Современнике», в которых касался вопросов войны и армии, редактировал журнал «Военный сборник», через который проводил свои идеи, и, наконец, принимал участие, что теперь является бесспорным, в нелегальной революционной организации, имеющей влияние и на армию.

Печатаая в «Современнике» большое количество своих статей, в которых уделялось много внимания военной тематике, Н. Г. Чернышевский, кроме того, привлекал для участия в этом журнале военных людей — генералов и офицеров русской армии. В своих статьях и рецензиях, в которых затрагивались военные вопросы, он пытался определить основную роль и назначение армии, разоблачал классовую сущность армии, высказывал глубокие мысли о связи войны с политикой, о различных типах войн. Победу или поражение в войне Чернышевский связывал с социальными, политическими, моральными и национальными факторами.

Конец XVIII и первая половина XIX века вплоть до франко-прусской войны 1870—1871 гг. и Парижской коммуны — это «период победы и утверждения капитализма в передовых странах»¹, период буржуазных и буржуазно-демократических революций и национально-освободительных войн. В то время, когда Чернышевский выходил на арену революционной борьбы, военная мысль еще продолжала уделять много внимания революционным, а затем захватническим, империалистическим, как их назвал В. И. Ленин, войнам Наполеона, охватившим собой целую эпоху. В русском народе еще свежи были воспоминания об Отечественной войне 1812 г., а затем о войне 1813—1814 гг., когда русские войска, преследуя наполеоновские полчища, дошли до Парижа, сыграв решающую

¹ И. Сталин, С. Киров, А. Жданов, Замечания о конспекте учебника Новой истории, «К изучению истории», Партиздат. 1937, стр. 26.

роль в освобождении многих народов Европы от ига Наполеона.

В этот же период происходила русско-турецкая война 1828—1829 гг., польское восстание 1830—1831 гг., буржуазные и буржуазно-демократические революции 1848—1849 гг. во Франции, Австрии, Венгрии, Пруссии и др. В Италии и Германии велась борьба против феодальной раздробленности за воссоединение этих стран в единых государствах. К этому же времени относится Крымская война, восстание сипаев в Индии против английского владычества, гражданская война Севера с Югом в США.

Таким образом, мы видим, что в этот период происходили самые различные типы войн: реакционные, прогрессивные, колониальные, гражданские, национально-освободительные, причем часто одни переплетались с другими. Так, например, было в 1848—1849 гг., когда войны гражданские переплетались с национально-освободительными. В этот период, как известно, некоторые державы путем открытой интервенции подавляли революционное движение в других странах: Австрия и Франция — в Италии, царская Россия — в Венгрии.

Все это давало богатую пищу для передовых мыслителей того времени, к которым принадлежал Н. Г. Чернышевский. Война затрагивала в тот период все слои народа. Возникло много нерешенных вопросов. Систематизировать происходящие события, сделать правильные, философски обоснованные, выводы, наметить пути дальнейшей борьбы за свободу и счастье трудового народа — таковы были задачи, которые ставил перед собой Н. Г. Чернышевский, обращаясь к военной тематике.

Внимательно изучая современные ему войны, Чернышевский в то же время особый интерес проявлял к истории войн. Он тщательно изучал войны древнего мира, периода средневековья, революционные войны в Европе, а также войны, которые вела Россия с другими странами. Это необходимо было Чернышевскому для того, чтобы проследить явления в их историческом развитии. Он знал, что только при этом условии можно сделать правильные выводы. Благодаря такому научному методу Чернышевскому удалось сделать ряд важных выводов, являвшихся для того времени наиболее правильными, передовыми и прогрессивными.

К оценке характера войны Чернышевский подходил с позиции трудящихся масс. Главным критерием в этом у

него было отношение народа к войне. «...Война есть дело жестокое и дурное в нравственном отношении...»¹, — заявлял Чернышевский. «Человеку трудящемуся разорительна всякая война; полезна для него только та война, которая ведется для отражения врагов от пределов отечества»².

Признавая войну как явление закономерное в классовом обществе, Чернышевский был далек от пацифистского подхода, осуждающего всякую войну. Война, по его мнению, в одних исторических условиях — зло для народа, в других — благо. «Пагубна или благотворна война?» — ставил он вопрос и тут же на него отвечал: «Вообще, нельзя отвечать на это решительным образом; надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств, времени и места. ...Например, война 1812 г. была спасительна для русского народа; марафонская битва была благотворнейшим событием в истории человечества. Таков смысл аксиомы: «отвлеченной истины нет; истина конкретна»³.

Справедливыми «выгодными» войнами Чернышевский считал такие, которые ведут к прогрессу, способствуют экономическому развитию страны, в которых отстаивается политическая независимость родины, и особенно войны революционные.

Касаясь колониальных войн, связанных с национально-освободительным движением угнетенных народов в колониях, Чернышевский клеймил позором лицемерие капиталистов, которые захватывают колонии якобы с целью распространения цивилизации на отсталые народы. Указывая на политику Англии в Индии, как на особенно разительный пример подобного лицемерия, Чернышевский говорил, что владычество в Индии «кому-нибудь в Англии... полезно, и даже нетрудно отыскать, кому именно... Для нации война убыточна, но для того класса людей, который управляет Англией, она очень выгодна»⁴.

Чернышевский беспощадно разоблачал и жестоко осуждал захватнические войны, ведущие к подавлению свободы и независимости той или иной нации. «Всякая война, — писал он, — имеющая целью завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами ни сопрово-

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, СПб, 1906, стр. 515.

² Там же, стр. 521.

³ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, 1947, ОГИЗ, стр. 208.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, СПб, 1906, стр. 520.

ждалась, к каким выгодным, повидимому, результатам ни приводила»¹.

Любителям мирового господства Чернышевский напоминал уроки истории, наглядно показывающие, чем кончались подобные авантюры. «Завоевательные народы, — писал он, — всегда кончали тем, что истреблялись и порабощались сами». Как на исторические примеры Чернышевский указывал на монголов Чингис-Хана, на германцев времен Тацита, которые «мало выиграли от завоевания Римской империи». Далее он говорил о том, что «испанцы, опустошив Европу при Карле V и Филиппе II, сами разорились, впали в рабство и наполовину вымерли от голода. Французы, опустошив Европу при Наполеоне I, сами подверглись завоеванию и разорению в 1814 и 1815 годах»².

Разоблачая антинародный характер захватнических войн, Чернышевский указывал на те бедствия, разорение и жертвы, которые являлись неизбежным спутником войны, и на то, что все это тяжелым бременем ложилось на плечи трудового народа.

Всегда ли будет война? На этот вопрос Чернышевский отвечал отрицательно. По его мнению, война есть категория преходящая, историческая. Она исчезнет тогда, «когда трудящийся класс приобретет решительное влияние» на дела государства «и образуется опытностью в них настолько, что будет судить сообразно интересам труда, а не внушениям людей, чуждых этим интересам». Лишь при этом условии «исчезнет всякая возможность войны... Но до того времени войны неизбежны, хотя совершенно противны прямым интересам каждой из воюющих наций...»³.

Чернышевский не ограничивался фиксацией факта. Как истинный революционер, он указывал конкретный путь избавления от разорительных для трудового народа войн. Стремление к войне «зависит от гражданского устройства... обществ, — писал он, — ...основание лежит не в чем ином, как в гражданских учреждениях наций»⁴. Как же изменить «гражданские учреждения»? На этот вопрос Чернышевский отвечал следующим образом: «Обыкновенный путь к изменению гражданских учреждений нации — исторические события... Подобным путем всегда изменялись граждан-

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, СПб., 1906, стр. 152.

² Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, ОГИЗ, 1948 г., стр. 96—97.

³ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, СПб., 1906, стр. 521.

⁴ Там же, стр. 521—524.

ские учреждения во Франции; до конца XVII века им изменялись они и в Англии»¹. Здесь Николай Гаврилович имеет в виду революцию, по цензурным соображениям, именуя ее историческим событием.

Круг военных вопросов, которыми интересовался Чернышевский, был необычайно широк. В его многочисленных произведениях мы находим ценные мысли по вопросам военной стратегии и тактики. Одним из важнейших правил войны Николай Гаврилович считал сосредоточение главных сил на решающем направлении. «Решение войны, — писал он, — зависит от сосредоточения всех сил в главном пункте»². Этим правилом стратегии, указывал Чернышевский, отлично пользовался Наполеон I, что приносило ему победы. Большое значение в завоевании победы в войне Чернышевский придавал также выбору места и момента для нанесения решающего удара.

В своих статьях Чернышевский правильно указывал на связь стратегии с моральными, политическими, социальными, экономическими, национальными факторами. При этом во все эти моменты он вкладывал классовое содержание. Чернышевский считал, что моральный дух армии определяется не официальной формулой: «За веру, царя и отечество», а заинтересованностью трудового народа в войне. Ибо, по мнению Чернышевского, только та война вызывает большой нравственный и патриотический подъем, которая ведется во имя кровных интересов народа.

Хорошую осведомленность показал Чернышевский также в вопросах тактики. Он рассматривает ее, как и все другие стороны военного дела, в постоянном развитии и совершенствовании в зависимости от изменения оружия. «В первобытных битвах сражается отдельный человек против отдельного человека, сражение есть громадное число поединков (битвы у Гомера; все битвы дикарей). Но вот, состав бьющейся армии получает все больше и больше плотности, и действие отдельных людей сменяется действием массы; в XVII, XVIII столетиях этот фазис достигает своего зенита. Огромные массы стоят друг против друга и стреляют батальным огнем, или идут в штыки, — тут нет отдельных людей, есть только батальоны, бригады, колонны. Русский солдат времен Кутузова стрелял ли

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, СПб, 1906, стр. 526.

² Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, 1947, ОГИЗ, стр. 139.

в отдельного врага? Нет, целый полк стрелял только в целый неприятельский полк. Неужели на этом остановилось развитие? Нет, появились штуцера, и прежний плотный строй рассыпался цепью стрелков, из которых каждый действует также против одиночного врага, и битва снова принимает гомерическую форму бесчисленного множества поединков»¹.

Главную роль в войне Чернышевский отводил человеку. Он считал, что воины в бою должны быть инициативными, проявлять смекалку, находчивость, военную хитрость. Офицеры обязаны умело руководить боем, а чтобы этого достигнуть, им необходимо добиваться всестороннего овладения знаниями как военными, так и общими. Вместе с тем Чернышевский не отвергал важного значения местности для боя, инженерного ее приспособления, а также качества вооружения и разумного его использования в бою. В вопросах обучения и воспитания войск Чернышевский стоял за суворовские методы. Он категорически отвергал гатчинско-прусскую систему подготовки войск, убивающую в человеке всякую инициативу и превращающую его в простой механизм, хорошо действующий на парадах и смотрах и слабо приспособленный к бою.

Чернышевский уделял также внимание роли и назначению армии, рассматривал вопросы зависимости комплектования армий от их назначения. В эксплуататорских государствах армии имеют двойное назначение, ибо, по мнению Чернышевского, армия не просто главное орудие государства вообще, как об этом говорили военные «авторитеты» вроде Клаузевица, Жомини и др., а орудие господствующего класса в государстве. С одной стороны, она служит для защиты страны от внешнего нападения и, с другой — орудием в руках господствующего эксплуататорского меньшинства для подавления трудящегося населения своей страны, борющегося против жестокой эксплуатации и бесправия. Чернышевский с негодованием говорил о политике господствующих классов великих держав, которые часто используют свои армии для грабежа, эксплуатации и подавления независимости малых народов. «Удерживать в своей зависимости чужое племя, — указывал он, — которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. IV, СПб, 1906, стр. 317.

для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно...»¹.

Вопросы комплектования армий Чернышевский подробно рассматривает в статье «Граф Кавур». Здесь он указывает на два основных принципа комплектования армий, существовавших в то время: французский и прусский. Он подробно говорит о положительных и отрицательных моментах того и другого способа. Но особое его внимание привлекает третий принцип комплектования армий — это так называемый швейцарский. Этот принцип ближе всего, по его мнению, подходит к милиционной системе. А это главным образом и интересовало революционного демократа Чернышевского. Ибо не случайно он указывает на волонтеров Гарибальди как на пример такого метода комплектования армии.

Интерес Чернышевского к вопросам о роли и назначении армий, их комплектования не был случайным. Для него он был неразрывно связан с борьбой трудящихся классов за их освобождение из-под гнета эксплуатации и политического бесправия.

Таковы взгляды Н. Г. Чернышевского на войну и армию. Разумеется, мысли его по этим вопросам часто страдают ограниченностью, вызванной условиями русской действительности того времени. Чернышевский не мог подняться в своих взглядах на войну и армию до правильной научной точки зрения. Это было сделано лишь классиками марксизма-ленинизма. Но для своего времени, для до-марковского периода, эти мысли его были наиболее передовыми.

Мы лишь вскользь остановились на ряде военных вопросов, которые привлекали внимание выдающегося революционного демократа Чернышевского. Это необходимо лишь для того, чтобы читателю легче было понять и сделать правильные выводы о том, что работа Н. Г. Чернышевского в военно-теоретическом и литературном журнале «Военный сборник» в качестве главного редактора не есть случайное явление (как это утверждает Ю. Стеклов), а вполне закономерна и вытекает из всей многосторонней деятельности Чернышевского. Для него работа в журнале была известным тактическим маневром.

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. VI, 1949, Гослитиздат, стр. 104.

Н. Г. Чернышевский был широко известен в военных кругах не только как передовой талантливый журналист, но и как человек, компетентный в военных вопросах. Поэтому приглашение Чернышевского на должность редактора «Военного сборника» было основано на желании царского правительства повернуть незаурядный талант и эрудицию выдающегося мыслителя в угодное царскому самодержавию русло.

В этой связи заслуживает интереса предложение Чернышевскому со стороны командования штаба отдельного гвардейского корпуса об учреждении для него специальной редакторской должности при гвардейском штабе. Об этом Николай Гаврилович писал отцу 11 ноября 1858 г.: «По «Военному сборнику» я не считаюсь на службе для того, чтобы сохранять независимость от генералов, с которыми имею сношения по этому изданию. Мне предлагали сделать редакторскую должность при Гвардейском Штабе, но я отмолчался от этого предложения: теперь я могу говорить прямее, нежели мог бы тогда»¹.

¹ Н. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, М.-Л., 1928, стр. 278.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР «ВОЕННОГО СБОРНИКА»

В письме отцу от 7 января 1858 г. Чернышевский писал: «Я должен сообщить Вам еще об одном деле, которое мне предложили на днях и которое повидимому устраивается. Но так как оно еще не установилось окончательно, то я и говорю о нем только, как о надежде, довольно вероятной, но еще только надежде. Граф Баранов вздумал издавать для распространения образованности между офицерами русской армии «Военный сборник». Заняться устройством этого дела он поручил генерал-квартирмейстеру гвардейского генерального штаба Карцеву. С Карцевым я был несколько знаком, и он предложил мне быть редактором этого издания. Я согласился... Мне говорят, что это издание может принести пользу нашим офицерам, которые до сих пор читали слишком мало и оттого в Крымскую кампанию показали себя людьми, правда, храбрыми, но неспособными бороться с успехом против неприятеля, приготовленного к распорядительности, находчивости на поле сражения умственными трудами в мирное время»¹.

Особого внимания заслуживают строки письма Чернышевского, где он вкратце говорит о своем желании придать журналу то направление, которое так ярко проявилось уже с выходом в свет его первых книжек. «Если это назначение состоится, — писал он, — я буду заниматься сообщением статей, которые большей частью будут написаны дурным языком, такой формы, чтобы они могли явиться в печати приличным образом; кроме того, мне придется рассматривать окончательно, заслуживает ли печати статья

¹ Н. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, М.-Л., 1928, стр. 268.

по своей дельности и занимательности, и справедливы ли мысли в ней излагаемые» (Подчеркнуто мною. — *Н. М.*).

Далее Чернышевский сообщает, что «для оценки статей чисто военного содержания, относительно их достоинства по военной части, будут у меня два помощника — двое профессоров Военной Академии».

Как и предполагал Николай Гаврилович, 9 января 1858 г. ему было вручено официальное письмо графа Баранова с предложением взять на себя обязанности общего (или главного) редактора «Военного сборника»: «Милостивый государь Николай Гаврилович! — говорилось в этом письме. — Государь император утвердил предположение об издании «Военного сборника»... соизволил вместе с тем и на назначение Вас общим редактором сего журнала, с тем, чтобы по наукам военными редакторами были подполковник Аничков и капитан Обручев. Вместе с редакцией я прошу принять Вас заведывание и всю хозяйственную частью журнала»¹.

Письма подобного же содержания были вручены Аничкову и Обручеву. В них также сообщалось, что царь «Соизволил на назначение Титулярного Советника Чернышевского общим редактором, а Вас (письмо было адресовано Аничкову. — *Н. М.*) и капитана Обручева Военными редакторами означенного журнала»².

Эти письма представляют для нас особый интерес. Они явно указывают на то, что Чернышевский был приглашен на должность **главного** редактора «Военного сборника»; они опровергают установившееся в дореволюционной литературе мнение о том, что Чернышевский якобы был в этом журнале всего-навсего «редактором по литературной части». Подобное извращение действительности нужно было царскому правительству для того, чтобы задним числом оправдать свою «ошибку», допущенную при назначении на такую должность, как должность главного редактора «Военного сборника», непримиримого врага самодержавия, революционного демократа Н. Г. Чернышевского.

Через четыре дня после получения официального приглашения Чернышевский снова писал отцу: «Определение мое редактором «Военного сборника» состоялось... Теперь остается только подождать еще с полгода, удастся ли мне

¹ ЦГВИАЛ, ф. 450, д. 273, л. 43

² Там же, л. 42.

поддержать хорошие отношения, в которых я теперь, нахожусь, с людьми, имеющими наблюдение за порученным мне изданием; главным образом важен тут Карцев»¹.

Опасения Чернышевского были не случайны, ибо он знал, что то направление, которое он намеревался придать «Военному сборнику», не будет угодно царскому правительству. В этом же письме Чернышевский сообщал о размерах окладов содержания ему и его помощникам, которые также подтверждают, что Н. Г. Чернышевский был главным редактором журнала. Он писал: «...Если прибыль от издания будет превышать 4800 р. в год, тогда я беру жалование 2400 р., мои товарищи каждый по 1200 р.»

Чернышевский понимал, что ему не удержаться долго на этой должности. Но он заботился о том, чтобы как можно дольше использовать такую легальную возможность для распространения революционно-демократических идей в среде русского офицерства, как порученный его редактированию официальный журнал.

Не лишен интереса вопрос о том, кому принадлежала инициатива приглашения Чернышевского в «Военный сборник». В письме, как мы видели, он указывал на свое знакомство с Карцевым, который предложил ему быть редактором этого издания. Известно также, что Карцев был близким другом Д. Милютина. Поэтому весьма вероятно, что инициатором приглашения Чернышевского был Д. А. Милютин, который мог предложить Карцеву эту кандидатуру.

По свидетельству А. Панаевой «Милютин постоянно бывал в кружке литераторов... Особенно Милютин ухаживал за Чернышевским, всегда усаживался за ужином около него и допытывался его мнений о реформах. Чернышевский был очень близорук, и часто Милютин услуживал ему за ужином, подавал ему блюдо... Милютину нужна была популярность, и он увивался около тех литераторов, которые своим умом и многосторонним знанием приобрели авторитетный голос в печати»².

Но после того, как в 60-х годах произошло резкое размежевание либералов и революционных демократов, Д. Милютин стал идейным противником Н. Г. Чернышевского и причинил ему немало вреда. Известно также и то,

¹ Н. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, М.-Л., 1928, стр. 269.

² А. Панаева, Воспоминания, «Академия», Л., 1929, стр. 308—310.

что одним из первых дел Д. Милютина после его назначения в 1861 г. военным министром было запрещение полковым библиотекам выписывать «Современник».

Помощники Н. Г. Чернышевского по «Военному сборнику» — профессора Николаевской академии генерального штаба подполковник В. М. Аничков и капитан Н. Н. Обручев по образу мыслей принадлежали к передовой части русского офицерства. Н. Н. Обручев, вращавшийся в кругу «Современника», был настроен даже революционно. В. М. Аничков также был близок к Чернышевскому. В одном из писем к отцу Николай Гаврилович указывал, что «Виктор Михайлович Аничков — наш хороший знакомый»¹. Кстати, Аничков был также знаком и с Добролюбовым. Дружественные отношения Чернышевского со своими помощниками указывают на то, что с их стороны он не мог встречать препятствий в пропаганде своих идей на страницах журнала. Напротив, помощники ему в этом способствовали. Неудивительно поэтому, что Чернышевский играл в журнале главную роль, что дало ему возможность придать журналу характер резко обличительного органа, беспощадно бичевавшего социальные пороки русского общества и, в частности, армии.

12 февраля 1858 г. в газете «Русский инвалид» появилось пространное объявление за подписью Чернышевского, Аничкова и Обручева о предстоящем издании «Военного сборника». Судя по всему, текст объявления был написан Чернышевским. Особенно интересна вторая часть этого объявления, где, между прочим, говорится об отношении редакции к авторам.

«В какой бы форме ни была написана статья, — говорилось в объявлении, — основательно излагающая состояние того или другого отдела наших войск, той или другой стороны военной нашей жизни, она будет с равной признательностью принята «Военным сборником». Систематическое исследование, простой рассказ, заметки в форме воспоминаний или наблюдений — все может быть равно прекрасно и полезно, лишь бы только было дельно и правдиво. Многие из опытейших и достойнейших людей, в совершенстве знающих свою часть, затрудняются передавать на общую пользу, посредством печати, плоды своих наблюдений только потому, что их останавливают требования так называемой литературной формы; но знание дела

¹ Н. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, стр. 280.

Репродукция обложки первого номера журнала „Военный сборник“ (1858 г.), вышедшего под редакцией Н. Г. Чернышевского

и здравый взгляд на него — достоинства более важные, нежели изящество языка, и если статья написана человеком дельным, ясно понимающим свой предмет и излагающим мысли основательно обдуманно, она всегда будет оценена по ее внутреннему достоинству. Такие статьи «Сборник» будет считать лучшим своим украшением. Желая сколь возможно избежать односторонности воззрений, редакция будет охотно помещать в «Сборнике» все возражения и замечания на статьи, в нем же напечатанные. Относительно каждой присылаемой в редакцию «Военного сборника» статьи, автор будет получать от редакции уведомление, намерена ли редакция помещать ее в журнале, если только потребует уведомления об этом. Если автор, по какой-либо причине, не желает подписывать своим именем принадлежащую ему статью, имя это останется ненарушимую тайною редакции»¹.

В этих строках мы ясно видим руку Чернышевского, в них имеются явные признаки демократизма, указания на то направление журнала, по которому его намеревался повести и повел великий революционер-демократ. Неудивительно, что после этого объявления редакция «Военного сборника» с первых дней своего существования не испытывала недостатка в материале. О предстоящем выходе сборника также были посланы объявления во все части и соединения русской армии.

1 мая 1858 г. вышла первая книжка «Военного сборника». Передовая часть русского офицерства встретила это издание с большим энтузиазмом. Молодой журнал имел громадный успех. Подписка на «Военный сборник» превзошла все ожидания. Сказались две причины: во-первых, то, что во главе журнала был поставлен Чернышевский, и, во-вторых, усилившееся стремление передовых офицеров к знанию, вызванное бурным подъемом общественно-политической жизни 60-х годов XIX века. Чтобы удовлетворить подписавшихся после выхода первой книжки, пришлось ее перепечатать вторым изданием. В третьем номере «Военного сборника» мы читаем следующее обращение редакции ко всем читателям: «Число подписчиков на «Военный сборник» превзошло ожидания редакции; потому первая книжка этого журнала печатается вторым изданием». Но так как подписка в частях продолжалась, а вновь перепечатывать вышедшие уже книжки было бы слишком

¹ «Русский инвалид» № 33 за 1858 г.

дорого, то в августовском номере журнала редакция вынуждена была сообщить, что «подписка на «Военный сборник» за текущий год прекращается по истощении как первого, так и второго издания». В первом же году тираж «Военного сборника» достиг 6 тысяч (тираж «Современника» в 1858 г. был около 4800 экземпляров). В некоторые полки выписывалось по 20—25 экземпляров, а один из полков подписался даже на 41 экземпляр.

Вокруг молодого журнала очень быстро сгруппировался большой авторский актив. В 1858 г. «Военный сборник» имел уже более 40 постоянных авторов, сотрудников журнала, подавляющее большинство которых были офицеры русской армии.

Такой колоссальный успех молодого журнала объясняется прежде всего тем направлением, по которому пошел его главный редактор Н. Г. Чернышевский, тщательно рассматривавший и окончательно решавший, «заслуживает ли печати статья по своей дельности и занимательности и справедливы ли мысли в ней излагаемые».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ЖУРНАЛА

Из множества поступающих в журнал статей Чернышевский как главный редактор отбирал для печати те из них, которые выражали передовые идеи и по духу своему были близки его убеждениям. Это и обеспечило помещение на страницах «Военного сборника» разнообразных, интересных статей, отражавших подлинную жизнь армии, а главное — чаяния передовой части русского офицерства. Журнал открывал глаза своим читателям на истинные причины поражения русской армии в Крымской войне. А так как значительная часть офицерства в результате крымского поражения была в то время настроена довольно оппозиционно, то успех журнала был поистине огромен. «Военный сборник» вел борьбу с рутинной и с устарелыми взглядами, стоявшими на пути преобразований в армии. Журнал имел необычный для того времени резко обличительный характер. Чернышевский видел главную задачу «Военного сборника» в том, чтобы возбуждать в читателе возмущение порядками в армии, а также и в стране.

Достаточно даже бегло просмотреть книжки «Военного сборника», выпущенные под главной редакцией Чернышевского, чтобы убедиться в характере направления и содержания журнала: «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну», «Голос из армии», «Взгляд на степень образования русских офицеров в армии», «О пользе обучения грамоте всей массы русских войск», «Военная статистика и солдатский быт», «Изнанка Крымской войны», «Об устройстве школ для распространения грамотности в войсках» — вот названия лишь некоторых статей, взятых нами из первых трех номеров «Военного сборника» за 1858 г.

В этих, как и в других напечатанных в «Военном сборнике», статьях поднимаются такие в то время животрепе-

ствующие вопросы, как истинные причины поражения в Крымской войне; недостатки военного устройства; права и быт солдат; дисциплина; отношение офицеров к рядовым и старших к младшим; солдатокрадство¹; военное судопроизводство; смотры; практические стрельбы; обучение и воспитание; организация службы; история военного искусства и т. д. Статьи эти отражали взгляды наиболее прогрессивной части русского офицерства.

Особого внимания заслуживают статьи, напечатанные в первой книжке журнала: «Голос из армии», «Мысли по поводу преобразования в артиллерии» и «Заметки командира стрелковой роты». В этих статьях говорится главным образом о взаимоотношениях начальников и подчиненных, господстве в военной службе формалистики, о недостатке у военных должного образования.

Вот что пишет автор статьи «Голос из армии» об отношении к солдату: «Кому из нас не обила ушей ходячая, всеразрешающая... но глубоко безнравственная и бессмысленная фраза: **«Для русского солдата необходима палка: он хороших слов не понимает»...** Повторяющим аксиому о необходимости палки и в голову не приходит, какой страшный укор они возводят сами на себя, какое высказывают непонимание русского человека вообще и русского солдата в особенности... Этот солдат не колеблется перед жерлами неприятельских пушек, не выдаст в трудную минуту своих... Горячее наше сочувствие должно быть обращено к этому сильному, простому человеку, идущему безропотно против многих невзгод и лишений» (стр. 79—81).

Эти слова, проникнутые уважением к личности солдата, были необычны для того времени. Следует иметь в виду, что еще не было отменено крепостное право, и солдат в подавляющем большинстве был крепостным крестьянином. С ним было принято обращаться как со скотом. «Военный сборник» же по-новому определяет права солдата. «Солдат — это человек, — говорит автор той же статьи, — и потому отношения офицера к солдату должны стать на ряду самых капитальных вопросов нашего «быта» (стр. 78).

Характерно, что редакция ставила эти острые вопросы не эпизодически, а возвращалась к ним из номера в номер. Автор статьи «Заметки командира стрелковой роты», помещенной в том же номере журнала, отмечал, что офицеры с пренебрежением относятся к солдатам. Осуждая

¹ Обкрадывание солдат.

подобное поведение офицеров, автор становился на защиту простого человека — рядового солдата. Он заявлял: «Русский солдат есть сын русского крестьянина... в нем много русской сметки, врожденной логики: его не увлечешь громкой фразой, как француза, народным мотивом, как итальянца; нет, ему расскажи его языком, чтобы он разложил умом, и тогда он в век ничего не забудет» (стр. 113). Автор писал также о необходимости «поднять солдата в его собственных глазах, чтобы он узнал себе настоящую цену» (стр. 114). Нужно «отличить в солдате человека от солдата» (стр. 115). Далее автор указывает на то, что «в каждом из начальников, солдат продолжает видеть своих прежних властей, — крепостной: барина, бургомистра, управляющего из русских или немцев... казенным видятся становые, окружные и исправники, грабившие и притеснявшие их» (стр. 116). Для того чтобы уничтожить несправедливость, злоупотребления в обращении с солдатом, автор предлагает, «чтобы ближайшие начальники» считали солдат «себе подобными существами, мыслящими и чувствующими» (стр. 118—119). Иначе говоря, солдат — такой же человек, как и его начальник. «Солдат наш смышлен, он имеет много прекрасных душевных качеств» (стр. 120), — снова подчеркиваются высокие человеческие достоинства простого русского человека.

Ту же линию проводит автор статьи «Военная статистика и солдатский быт», напечатанной во втором номере «Военного сборника». Он говорит о том, что в армии слишком мало занимаются изучением солдатского быта. Солдат, «поступивший в ряды армии молодым, здоровым, полным силы и предприимчивости, оставляет ее по большей части изнуренным, расслабленным... А какая значительная часть из поступивших вовсе не возвращается обратно в общество!» (стр. 444). Так изматывался солдат в результате того, что в царской армии никто не заботился о его бытовых условиях, об охране его здоровья. Ссылаясь на статистические данные, автор указывает, что «средним числом из трех человек, поступивших в военную службу в цветущем возрасте, возвращается на родину только один и тот стариком» (стр. 448—449). Далее автор делает довольно смелый, но справедливый вывод о том, что «большая часть злоупотреблений в военной службе прямо связана с интересами лиц, стоящих довольно высоко в ряду военной иерархии; может ли какой-нибудь мелкий чин решиться контролировать действия этих лиц?» (стр. 456).

В четвертом номере «Военного сборника», в статье «Изнанка Крымской войны», также затрагивается тема необходимости заботы о быте солдата. В этой статье рассказано о том, как в результате разгильдяйства и безответственности высшей военной администрации десятки тысяч солдат умерли во время Крымской войны от эпидемических заболеваний. Автор указывает, что некоторые виновники этого возмутительного разгильдяйства оправдываются недостатком госпиталей. «Прежде всего, — отвечает автор, — надо заботиться о том, чтобы устранить возможность заболеваний... Сбережение солдата именно и заключается в том, чтобы не допустить солдата до болезни, то есть до госпиталя». Далее автор приводит замечательные слова великого русского полководца Суворова, который говорил: «Не терплю госпиталей; тот их любит, кто не радеет о здоровье солдата» (стр. 476).

Тема о бесправии солдата, о его невыносимо тяжелых бытовых условиях затрагивается также в целом ряде других статей, напечатанных в «Военном сборнике». В статье «О способах снабжения войск обмундированием», помещенной в пятом номере «Военного сборника», один из помощников Чернышевского — В. Аничков говорит о том, что государство тратит на армию огромные средства, но далеко не всегда эти деньги доходят до солдата, «путем злоупотребления оставаясь в руках административных органов правительства» (стр. 2—3). В статье «Заметки о современном состоянии нашей кавалерии», напечатанной в том же номере журнала, также затрагивается тема о правах и быте солдата. Говоря о том, что юнкера неохотно знакомятся с бытом солдата-кавалериста, автор предлагает возложить на «юнкера обязанность отвечать за лошадь и амуницию, не давая им солдат для этой цели»; так их «можно заставить гораздо лучше понять этот быт» (стр. 43).

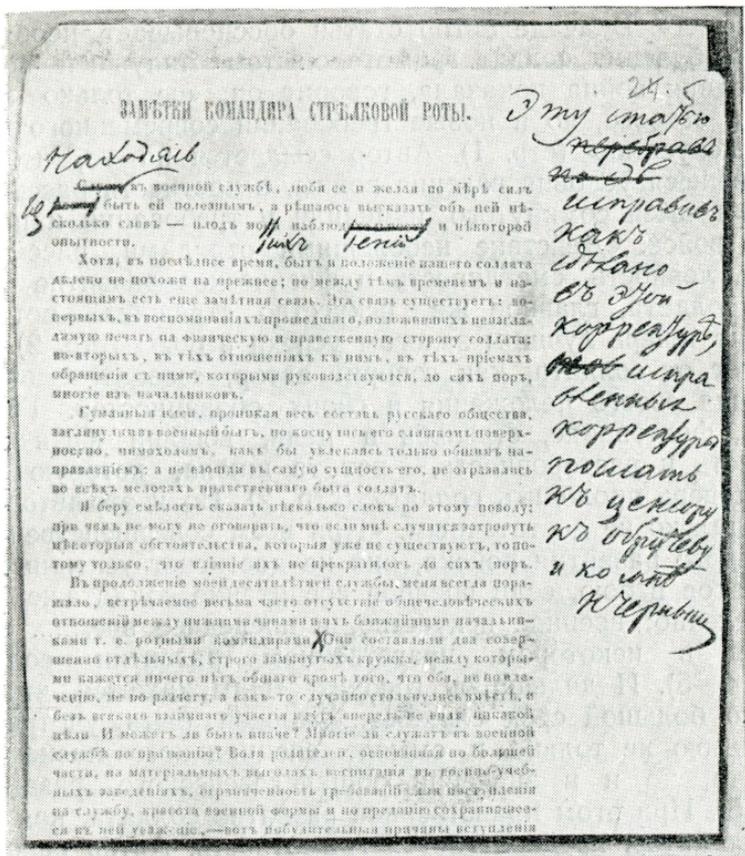
Следующим вопросом, которому редакция «Военного сборника» уделила большое внимание, является обучение солдата грамоте, что для русской армии того времени являлось важной задачей. Обучение грамоте, помимо всего прочего, имело также и практическое значение для армии, так как она вооружалась более сложными видами вооружения, в частности, на вооружение поступало скорозарядное нарезное оружие. Между тем 95% солдат были неграмотны. Поэтому даже официальные правительственные органы признавали необходимость обучения солдат грамоте. Это положение и было умело использовано редакцией журнала.

Н. Г. Чернышевский понимал, что образование солдат имеет колоссальное значение, так как оно дает возможность солдату легче осознать свое положение представителя угнетенных, лучше понять пути уничтожения крепостничества.

В первом же номере журнала эта тема затрагивается в статье «Заметки командира стрелковой роты» (стр. 111—144). Автор подробно излагает метод обучения солдата грамоте, при этом он делится собственным опытом. Для чтения солдатам он предлагает использовать описание подвигов великих людей из истории нашего отечества. Кроме того, он рекомендует «дать людям первоначальное понятие о природе вообще: о земном шаре, на котором мы живем, о планетах, видимых нами ежедневно, о явлениях природы, которым мы подвергаемся». «Грустно видеть, — пишет далее автор, — как наш солдат до сих пор верит, что свет стоит на трех китах, гром гремит от того, что пророк Илья ездит в колеснице по небу, — а посредством радуги бог из моря берет воду для дождя; положим, это и поэтично, но дико! Через солдат грамотность могла бы распространиться и в массе народа» (стр. 127—128).

Нетрудно понять, какое огромное прогрессивное значение имели подобные мысли, изложенные на страницах «Военного сборника». Следует иметь в виду, что все это говорилось в то время, когда официальная пропаганда царского самодержавия среди простого народа и особенно среди солдат целиком строилась на проповеди религиозного дурмана. Для солдат проводились так называемые «религиозные чтения», считавшиеся лучшим средством заставить солдата верно служить царскому престолу.

Во втором номере мы также находим статьи, посвященные обучению солдат грамоте. Этот вопрос освещается в статье «О пользе обучения грамоте всей массы русских войск». Автор статьи указывает, что «русский солдат смыслен, он мгновенно поймет все выгоды, сопряженные с этими познаниями». Более подробно об этом говорится в третьем номере журнала, в статье «Об устройстве школ для распространения грамотности в войсках». В этой статье отмечается, что в последнее время вопрос о распространении грамотности в простом народе вызвал оживленную полемику. Теперь «почти все поняли, что грамотность не есть принадлежность каких бы то ни было отдельных сословий, а общее достояние целого человечества, что всякий, на какой бы ступени общества ни стоял, имеет на нее одинаковые права» (стр. 190). Автор статьи много

Фотокопия начальной гранки статьи „Заметки командира стрелковой роты“ с корректурой Н. Г. Чернышевского. На гранке имеется надпись, сделанная рукой Николая Гавриловича: „Эту статью исправив как сделано в этой корректуре, исправленные корректуры послать к цензуре, к Обручеву и ко мне“. Статья опубликована в № 1 „Военного сборника“ (Центральный Государственный Литературный Архив. Ф. № 1, ед. хр. 238)

внимания уделил тем проблемам, которые неизбежно возникали при организации обучения войск. Это организация школ, методика преподавания и др.

В седьмом номере журнала редакция снова и достаточно остро поставила этот же вопрос в статье «О грамотности в войсках». Вначале автор статьи обосновывает необходимость обучения солдат грамоте опытом минувшей войны. Последняя война показала, говорит он, «не только недостатки старого, но и новые требования современного военного искусства» (стр. 1). Автор ссылается на то, что изменившиеся условия ведения войны, в частности рассыпной строй взамен сомкнутого, изменили и требования к подготовке войск. «Действие небольшими отрядами, рассыпной строй, ловкость, сметливость и физическое развитие каждого солдата, главное же, искусство стрельбы — вот что служит теперь лучшим залогом успеха в бою» (стр. 2). Это требует от солдата, как говорит автор, «сознательного понимания своего положения и своих обязанностей. Гимнастика, фехтование, стрельба в цель, вообще физическая ловкость и расторопность, — вот та школа, которую должен теперь проходить солдат» (стр. 2). Но и это автор считает далеко не достаточным. «При всем совершенстве материального развития войска, оно не достигнет успешных результатов в бою, если военное воспитание солдата не будет осмысленно; военное искусство, в последнее время... нуждается в некотором нравственном развитии солдат» (стр. 4—5). И дальше он говорит: «Нам кажется, что довольно большой срок службы... должен быть употреблен с пользой не только в смысле специального назначения солдата, но и в значении общечеловеческого развития» (стр. 5). При этом нравственное развитие солдата, как указывает автор, предполагает и грамотность. Автор рекомендует «смотреть на грамотность не только как на обучение чтению и письму, но как на средство некоторого умственного развития и нравственного пробуждения солдата» (стр. 6). Грамотность, по мысли автора, «должна служить средством наивозможно большего умственного и нравственного развития солдата; пробуждением дремлющих нравственных сил... человека, не тронутого воспитанием; призывом к самобытной деятельности солдата, почувствовавшего свои нравственные силы» (стр. 7). И далее: «Задача обучения — не механическое усвоение чтения и письма, а, по преимуществу, пробуждение сознательного мышления и нравственное развитие» (стр. 10).

Далее автор пишет в той же статье, что обучение солдата грамоте часто наталкивается на боязнь со стороны некоторых упадка дисциплины и «славного солдатского духа» (стр. 14). Автор открыто говорит о далеко идущих целях обучения солдата грамоте: «Вернувшись на родину... солдат внесет в отдаленные, ныне темные, места нашего обширного отечества свет некоторого умственного образования» (стр. 16). Такими словами заканчивается эта статья.

На примере этой статьи видна точка зрения «Военного сборника» по вопросам просвещения русского солдата. Не механическое обучение грамоте методом заучивания уставных положений, а сознательное воспитание солдата, ибо задача состоит в том, чтобы через солдата вести эту, столь важную в пробуждении революционного сознания работу среди всей массы трудящихся России. Таков был тактический прием Чернышевского.

Надо сказать, что наряду с постановкой вопроса о необходимости обучения солдат грамоте на страницах журнала часто встречаются статьи, посвященные образованию офицеров. Постановка этого вопроса также не случайна. Перед армией вставали новые задачи, успешно решать которые могли только грамотные, высокообразованные в военном отношении офицеры. Между тем: «Не только с военными науками, но даже с теми частями устава, которые написаны не для смотров, а для войны, офицеры наши были мало знакомы», — пишет автор статьи «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну» (№ 1, стр. 13). Автор другой статьи, помещенной в том же номере, «Взгляд на степень образования русских офицеров в армии», объясняет причины низкого образования офицеров тем, что «для поступления в военную службу требуется весьма не много знания, но большинство поступающих и тут надеется по преимуществу на снисхождение при экзаменах». Вследствие этого «развилась в армии заметная безграмотность» (стр. 154). Известно, что в то время критерием для принятия в военные учебные заведения, а также для продвижения по службе являлись не способности человека, а его происхождение, дворянский титул. В заключение статьи автор предлагает офицеров, «не желающих... заниматься, не оказывающих успехов, несмотря на убеждения, — отправлять в полки для службы на общих правах, или увольнять в отставку» (стр. 160).

Вопроса об образовании офицеров касается также статья «Заметки о современном состоянии нашей кавалерии», напе-

чатанная в № 5 «Военного сборника». В ней говорится, что «образование офицеров — первая и главная потребность»; отмечается разлагающее воздействие офицеров на прибывающих в части юнкеров. «В обществе офицеров... наш юнкер не приобретал для себя ничего полезного в умственном отношении... Он учился играть в карты, пить вино и хватался тем, что умеет уже отделяться от службы» (стр. 40).

Такова меткая характеристика реакционного офицерства царской армии. И не случайно поэтому «Военный сборник» так горячо доказывал необходимость образования для офицеров.

«Военный сборник» затрагивал весьма важный вопрос о так называемом солдатокрадстве. «У нас,— пишет автор статьи «Голос из армии»,— над солдатом тяготеет постоянная, непрерываемая взятка. Солдатокрадство... образует, как известно, довольно правильно организованное ремесло нашего брата... Это гнусное обыкновение... главным образом поддерживается, находит себе защиту в понятиях всего нашего общества, признающего солдатокрадство делом весьма обыкновенным, благоразумным» (№ 1, стр. 81—82). О солдатокрадстве говорилось также в целом ряде других статей «Военного сборника». В частности, в статье «Солдат и офицер», напечатанной в № 8, сказано, что солдат «не всегда... ест... сообразно с отпускаемым от казны содержанием; иногда не все получит, что ему следует» (стр. 337).

Особенно ярко освещается вопрос о солдатокрадстве в статье «Пять месяцев в *** полку» (№ 7, стр. 89—124). В живой очерковой форме правдиво показаны бесстыдные хищения, чинимые командирами рот. В этой статье обрисован командир полка, который с невероятным бесстыдством учил солдатокрадству прибывшего к нему в подчинение командира роты, говоря, что «рота есть капитал, с которого ротный командир имеет право брать проценты».

Редакция «Военного сборника» ставила также вопрос о борьбе с телесными наказаниями, которые в то время были обычным явлением в русской армии. В четвертом номере журнала, в статье «О телесном наказании», автор осуждает этот варварский, унижительный способ наказания солдат. Он говорит о том, что в борьбе с телесными наказаниями может сыграть важную роль общественное воздействие, но этого, указывает автор, далеко не достаточно, ибо оно «без закона все-таки не всесильно» (стр. 481).

Много внимания журналом уделялось также методам обучения войск. Журнал осуждает формализм, показную муштру, господствовавшие в обучении войск. «Смотры высшего начальства,— пишет автор статьи «Голос из армии»,— составляют альфу и омегу нашей служебной деятельности. Не успешность службы в ее постепенном, непрерывном ходе; не ровная постоянная заботливость о ее выгодах, а только удача на смотре, вот что поглощает все стремления начальников частей. Оттого такая напряженная лихорадочная деятельность перед днем смотра, такие усиленные учения; здесь уже не имеют места ни заботливость о здоровье солдат, ни разборчивость средств; кому, например, не известны проколотые штыками мишени и т. п.?» (№ 1, стр. 84). Автор статьи «Заметки командира стрелковой роты» рассказывает, как часто офицеры для того, чтобы выглядеть в хорошем свете перед своим начальником, изощрялись в очковтирательстве. «Однажды был случай, что команда выпустила всего 60 патронов, а в мишени оказалось 63 дыры: так усердно плотники заранее буравили мишень и так ловко заклеили ее бумагой» (№ 1, стр. 118). Весьма характерно в этом отношении также высказывание автора статьи «Солдат и офицер», опубликованной в восьмом номере «Военного сборника»: «Смотр до сих пор еще представляется нам по прежним понятиям: не показать начальнику знание нами и нашими подчиненными истинно своего дела хотим мы... нет, мы стараемся показать ему всю тонкость нашего знания в пригонке амуниции, в исправке... вот пока еще цель стремлений некоторых из нас!.. Мы делаем... второстепенный предмет главным» (стр. 338).

На страницах журнала печатались также статьи, посвященные печальным урокам Крымской войны. Автор статьи «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну», помещенной в № 1, говоря о многочисленных нападках на русскую армию за ее поражение в этой войне, пытался определить истинные причины неудач русской армии. Прежде всего он указывает на то, что против России выступали Англия, Франция, Турция, Сардиния и готовы были выступить Швеция и Австрия. В статье приводятся многочисленные примеры героизма солдат и офицеров, в частности называется героическая оборона Севастополя. «Рассматривая же общий ход всех сражений прошедшей войны, мы смело можем сказать, что в течение ее и солдат и офицер русский сделали все, что было в силах человеческих... Солдат русский так же безропотно переносил труды и лишения, кото-

рых немало выпало на его долю, так же скоро забывал неудачу и с такой же беззаботной отвагою ждал нового боя, как в эпоху самых блестящих успехов нашего оружия... Удар штыка русского попрежнему был страшен неприятелю, а русская колонна также стройно двигалась под ядрами и пулями, как при Лейпциге и под Парижем. Одним словом, в армии нашей еще не угасли те начала, которые завещал ей Петр Великий» (стр. 6).

Далее автор пытается конкретно определить недостатки русской армии. При этом он оговаривает, что оставляет в стороне «недостатки и злоупотребления административные» и рассматривает только то, что относится «к боевому (тактическому) состоянию войск». Недостатки эти, по мнению автора, заключаются в «фальшивом понимании настоящего долга службы, в происходивших от того фальшивых служебных требованиях и равнодушии к образованию... каждый учил свою часть только тому, что представлялось на смотрах,— тому, за что либо ожидалась награда, либо грозило порицание» (стр. 11). Иначе говоря, прусско-гатчинская муштра, которой увлекались многие генералы царской России,— вот истинная слабость боевой выучки русской армии.

Урокам Крымской войны посвящены также статьи «Заметки инженера о причинах взятия Малахова кургана», «Очерк военных действий на берегах днепровско-бугского лимана осенью и зимой 1855 года» и др. Особняком стоят статьи помощника главного редактора Н. Н. Обручева под общим заголовком «Изнанка Крымской войны». В этих статьях изобличались злоупотребления и головоунытие в санитарных органах и интендантстве русской армии, в результате чего русская армия несла огромные потери в людях от всевозможных болезней. Статьи эти вызвали большой резонанс в русской армии. «Военный сборник» организовал их обсуждение на своих страницах. В результате были напечатаны такие статьи, как «Заметки на вторую часть статьи «Изнанка Крымской войны», «Изнанка налицо» и др.

Особо следует остановиться на чрезвычайно интересной статье Н. Обручева «О вооруженной силе и ее устройстве» (№ 1, стр. 16—56). Статья эта затрагивает вопросы стратегии. С наглядной убедительностью она показывает, как высоко стояла в России и в то время передовая военная мысль. Автор статьи говорит: «Когда государства сталкиваются,— борьба между ними в сущности решается не

столько войском, сколько относительной силой самих наций». Эту замечательную мысль автор иллюстрирует убедительными примерами: «В 1792 году с одной стороны были французские волонтеры, собравшиеся под знамена прямо со школьных скамей или от сохи, с другой, соединенные армии Европы: но на чьей стороне осталась сила? В 1810 году Испания остается без войск; ее защищают составленные на скорую руку дружины поселян и монахов; с другой стороны, являются армии Наполеона, генералы Наполеона и сам Наполеон: но на чьей стороне осталась сила? В 1812 году сотни тысяч войск приходят в Россию, их встречают втрое меньшие армии: но где осталась сила? Нет, значит, возможности отвергнуть, что главная сила государства лежит в народе; что возможно с народом, того далеко нельзя достигнуть с одним войском; и отныне те правительства будут сильны, которые тесно связаны с народом, умеют развивать внутренние его средства и на них создают величие страны».

И далее, как бы резюмируя сказанное, автор заявляет: «Первым элементом могущества государства служит самый народ». Иначе говоря, побеждает та сторона, чьи цели в войне справедливы, где в войне участвует не только армия, но весь народ, заинтересованный в победе.

В той же статье была высказана очень важная мысль: «Как струя фонтана, по естественному закону равновесия, никогда не бьет выше уровня воды в резервуаре, так и могущество государства, в обыкновенных обстоятельствах, не может быть поддерживаемо армией выше уровня, представляемого развитием внутренних сил народа. Отступления от этого закона могут быть только временные...» Таким образом, могущество государства зависит от того, какой в нем социальный строй, как он способствует развитию внутренних сил народа.

На примере этой статьи видно, как глубоко и широко ставились вопросы военной политики, военного искусства, стратегии и тактики, вопросы организации, обучения и воспитания, проведения военных реформ и т. д. в русской военной литературе и насколько передовые военные мыслители России превосходили пресловутых немецких военных теоретиков, вроде Мольтке и иже с ним. Эта статья с убедительной наглядностью говорит о том, что русская военная мысль, как и русская культура вообще, развивалась своим, особым путем, опережая другие страны. Названная статья не единственная, в которой затрагиваются вопросы военной

стратегии. На страницах журнала они ставятся неоднократно.

В статье «О грамотности в войсках» мы видим попытку решить вопрос о роли морального фактора в войне. «Боевая машина,— пишет автор,— кроме вещественных своих сторон, имеет еще и духовную, которая во всех случаях войны играет роль первостепенной важности» (№ 7, стр. 4).

На страницах журнала ставится также чрезвычайно актуальный для того времени вопрос о гласности. Автор статьи «О смертности в гвардейском корпусе» (статья подписана инициалами Н. О. — очевидно, Н. Обручев), говоря о том, что не следует бояться гласности, ибо «мы нигде не достигли совершенства, и что, напротив, везде нам необходимы улучшения», высказывает замечательную мысль: «Если мы смеемся над человеком, который думает о себе более, чем сколько стоит, то, конечно, и государству прежде всего необходимо сознать, что оно есть в действительности» (№ 6, стр. 388).

Наряду с социально-правовыми вопросами «Военный сборник» уделял также большое внимание и чисто военным вопросам. Его высказывания в этой области проникнуты чувством патриотизма. Журнал отстаивает славные традиции русских полководцев — Петра I, Суворова, Кутузова — и дает резкую отповедь попыткам преклонения перед иностранными армиями. В статье «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну» говорится, что многие считают одной из причин поражения русских войск в Крымской войне недостатки русских уставов. «Но безусловно осуждать их может только тот, кто не был с ними достаточно знаком и не сравнивал их с уставами других армий. Строевой устав наш не только не был ниже уставов других армий,— смело можно сказать, был выше большей части из них; если в нем оставались еще некоторые излишества, некоторые построения, не применимые в бою, то в уставах других государств их было несравненно более. Не буду говорить об английском уставе, который заключает в себе все, что подражателями прусской тактики введено было еще в прошедшем столетии; но и сам французский устав немногим лучше его». Далее автор приводит высказывание о французском уставе генерала Ренара, начальника главного штаба бельгийской армии, в которой был принят французский устав. «Французский устав,— говорит Ренар,— не соответствует тем успехам, которые совершились уже шестьде-

сят лет тому назад». Автор делает справедливый вывод о том, «до какой степени французы в этом отношении далеки от того, чтобы подражать им» (№ 1, стр. 9—10).

Резкую отповедь редакции журнала встретили авторы некоторых статей, проникнутых слепым преклонением перед тактикой иностранных армий. Так, например, автор статьи «Мысли о тактике европейской пехоты генерала Ренара» положительно оценил тактику, применяемую в армиях германских государств. В частности, он говорил, что прусский устав считает за наибольшую единицу для маневрирования бригаду, которая, «не соединяясь с другими родами оружия, может исполнять чисто уставные эволюции» (№ 2, стр. 343—344).

Редакция в примечаниях справедливо отметила, что бригадные учения должны «производиться не иначе, как в соединении с другими родами войск, по крайней мере хоть с артиллерией, потому что в бою бригада никогда не действует одна. Наш устав в этом случае выше, он говорит: «Когда для учения сводится полк или более, оно производится не иначе, как с артиллерией» (№ 2, стр. 344). Далее, восхваляя тактику австрийской армии, автор писал, что в австрийской пехоте существует построение двойных боевых колонн. Редакция замечает: «По нашему мнению, построение двойных боевых колонн — верх педантизма, который вообще достаточно проглядывает в австрийском уставе» (там же, стр. 348).

Руководимый пламенным патриотом Н. Г. Чернышевским, посвятившим всю свою деятельность и всю свою жизнь родине и родному русскому народу, журнал резко осуждал всех, кто пресмыкался перед границей, горячо отстаивал приоритет русской передовой военной мысли.

Краткий обзор материалов «Военного сборника» показывает, что молодой журнал ставил на своих страницах наиболее актуальные вопросы, которые волновали в то время не только передовую часть русского офицерства, но и всех прогрессивно настроенных людей России.

Содержание «Военного сборника» служит иллюстрацией к словам Ленина о том, что «даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду...»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 176.

Направляя свою деятельность к распространению в армии сознательного отношения к урокам Крымской войны, «Военный сборник» стремился обнаружить и указать существенные недостатки, выявленные боевым опытом, способствовал подготовке армии к проведению в жизнь военных реформ.

Чтобы понять действительную позицию «Военного сборника» в отношении готовящихся реформ, необходимо разобраться в том, как же сам Чернышевский относился к реформам, каковы были его воззрения по очень крупному, определяющему вопросу его эпохи — о взаимоотношении реформы и революции.

Н. Г. Чернышевский не отрицал значения реформ, ибо он понимал их прогрессивность. Но реформы, по мнению Чернышевского, могут привести к положительным результатам лишь в том случае, если в стране имеются силы, способные добиться их действительного осуществления. «Я не желаю,— говорит один из героев «Пролога» — Волгин,— чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом»¹. «...Нелепо приниматься за дело, когда нет сил для него»².

Чернышевский энергично выступал против иллюзорных надежд на мирный исход борьбы, в которой на карту поставлены интересы господствующих классов. «Если реформа касается только небольшой части общества или, затрагивая интересы всех, представляет для каждого риск лишь незначительного убытка или выигрыша, словом сказать, если реформа не очень важна, она может производиться хладнокровным путем... Но очень важные для общества дела никогда так не делались»³.

Великий революционный демократ Чернышевский под «важными делами» понимал коренные преобразования, приводящие к изменению существующего строя. Он считал, что такие преобразования обычно совершаются только революционным путем. Чернышевский заявлял, что без войны не решается ни один важный вопрос, а война ведется огнем и мечом, а не дипломатическими фразами, которые

¹ Н. Чернышевский, Пролог, стр. 121, СПб, 1906.

² Там же, стр. 91.

³ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, 1948 г., ОГИЗ, стр. 19—20.

уместны только тогда, когда цель борьбы, веденной оружием, достигнута.

Чернышевский настойчиво боролся с иллюзиями, основанными на вере в слова, в обещания врагов, в посулы правительств, попавших в трудное положение. Он беспощадно осуждал либералов за то, что они считали возможным проведение революции «без нарушения уличной тишины». «Исторический путь, — говорит Чернышевский, — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она — занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие, не совсем опрятное. Правда, впрочем, что нравственную чистоту можно понимать различно»¹.

В основе разрыва между революционными демократами, во главе которых стоял Чернышевский, и либералами лежало различное отношение к вопросам крестьянской реформы. Чернышевский негодовал против половинчатых требований либералов, которые фактически поддерживали дворянский абсолютизм в его стремлении провести реформу в ущерб интересам народа. Он подвергал жестокой критике как русский, так и западноевропейский либерализм за его непоследовательность, трусость, нерешительность, фразерство и неспособность подкреплять слово делом. «Либералов 60-х годов, — указывал Ленин, — Чернышевский назвал *«болтунами, хвастунами и дурачьем»*, ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими»². Эти качества, как известно, характеризуют и современных буржуазных либералов, агентов и верных лакеев американского империализма — правых социалистов.

Говоря об отношении Чернышевского к крестьянской реформе, Ленин указывал: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников... он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. VIII, СПб, 1906, стр. 37—38.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»¹. По мнению Чернышевского, лучше бы не было никакой реформы, «тогда по крайней мере он (крестьянин. — Н. М.) хотя будет прямо знать, какая судьба ему готовится. Нет ничего хуже, как делать дело наполовину»².

Чернышевский понимал, что от царского правительства нельзя ждать никакой серьезной реформы в пользу крестьян. В статье «Русский реформатор»³, посвященной Сперанскому, в «Письмах без адреса»⁴ Чернышевский критикует абсолютизм, разоблачает его органическую неспособность к прогрессивным реформам и доказывает, что крестьянская реформа не улучшила, а ухудшила положение трудящихся масс, революционное выступление которых поэтому теперь неминуемо. «Нужна была именно гениальность Чернышевского,— писал Ленин,— чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер...»⁵.

Революционное выступление в тогдашней России представлялось Чернышевскому вполне возможным. На это есть совершенно ясные намеки в целом ряде его статей. Он отлично понимал, что нужны не реформы, а революция. «Вот мой образ мыслей о России,— записывает Николай Гаврилович в своем дневнике 20 января 1850 года,— неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее».

Николай Гаврилович был глубоко убежден, что исторический процесс совершается скачками в краткие периоды революций. «Мирное, тихое развитие,— говорил он,— невозможно... без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории»⁶.

Исходя из этих взглядов Чернышевского, руководимый им журнал, не отрицая значения реформ, не считал их пределом возможного. Поэтому он шел гораздо дальше либералов. Чернышевский видел задачу журнала в этот период не только в обсуждении и разъяснении предстоящих законодательных мероприятий, но главное в том, чтобы пробую-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 264.

² «Каторга и ссылка» № 44 за 1928 г., стр. 19.

³ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. VIII, СПб, 1906, стр. 291—319.

⁴ Там же, т. X, ч. 2, стр. 293—316.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 263.

⁶ Н. Чернышевский. Соч., т. I, 1939, ОГИЗ, стр. 357.

дить в передовом русском офицерстве сознание необходимости коренных преобразований путем революции.

Н. Г. Чернышевский говорил о том, что реакция организована и беспощадна. Но дело революционеров не безнадежно, если они сумеют опереться на интересы масс и проявят величайшую энергию и последовательность.

Он отлично понимал необходимость всесторонней подготовки революции и в первую очередь подготовки к ней широких масс. Против народа «пошлют войска, — говорил он, — перебьют военным образом столько недовольных, сколько понадобится, из остальных перевешают, расстреляют и рассажают по тюрьмам нужное количество — вот и все». Но в то же время еще менее можно рассчитывать на военный бунт, не связанный с движением масс, несмотря на революционные настроения отдельных частей армии, так как «они будут усмирены другими»¹. Чернышевский хорошо знал, что армия в то время являлась слепым орудием в руках правительства. Именно поэтому великий мыслитель и революционер наряду с огромной публицистической деятельностью в «Современнике», имевшей целью подготовку к революционному выступлению трудящихся масс, главным образом крестьянства, охотно взялся за редактирование «Военного сборника». При помощи этого журнала он надеялся привлечь на сторону революции передовую часть офицерства русской армии. Иначе говоря, иметь на стороне революции вооруженную силу.

Но когда массы готовы к революционному выступлению, надо действовать быстро и решительно. Ибо, как указывает Чернышевский, нет ничего губительнее для людей и в частной и в государственной жизни, как действовать нерешительно, отталкивая от себя друзей и робея перед врагами. «Великие люди, — говорит он, — едва ли не потому только и бывают великими людьми, что спешат ковать железо, пока оно горячо; умеют не терять дней, пока обстоятельства благоприятствуют делу. Но известно, что не может ковать железо тот, кто боится потревожить сонных людей стуком. Только энергия может вести к успеху. ...И Суворов, и Наполеон, да и все великие полководцы, начиная с Александра Македонского... известны тем, что не жалели жертв для одержания победы... Что о войне, то же самое надобно сказать и о всех исторических делах

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. VI, 1949, Гослитиздат, стр. 475.

(«историческими делами» Чернышевский по цензурным соображениям называет революцию. — Н. М.): если вы боитесь или отвращаетесь тех мер, которых потребует дело, то и не принимайтесь за него и не берите на себя ответственности руководить им, потому что вы только испортите дело... Кто не хочет волновать народ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанные с возбуждением народных страстей, тот не должен и брать на себя ведение дела, поддержкою которого может служить только одушевление массы»¹.

Считая революцию главным средством для достижения победы трудового народа над самодержавным абсолютизмом, Чернышевский, как это показывают многие документы, тщательно готовил массы к перевороту. Важным документом в этом отношении является его воззвание «К барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Чернышевский лучше, чем кто-либо из его современников, понял самую суть правительственного акта 1861 г. — так называемого освобождения крестьян — и избрал решительный путь революционной борьбы с самодержавием. В своей прокламации он открыто призывал крестьянские массы к неповиновению и революционным выступлениям. В ней он разъяснял грабительскую суть реформы, ее буржуазный характер.

Заключительная часть прокламации Чернышевского целиком посвящена призыву крестьян к вооруженному восстанию. Чтобы успешно действовать, он советует крестьянам объединиться с солдатами. Они «из мужиков, тоже ваш брат». Цели борьбы и у крестьян, и у солдат общие. «Когда воля мужикам будет, каждому солдату также воля объявится». Руководить восстанием, по мнению Чернышевского, должны будут передовые офицеры, те, «что за народ стоять будут... и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть».

Зная о том, что восстание потребует хорошо организованной вооруженной борьбы, Чернышевский призывает крестьян учиться военному делу. «...Солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо ...а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться, да команды слушаться, да пустого страха не бояться, а мужество иметь

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. VI, 1949, Гослитиздат, стр. 417—418.

во всяком деле, да рассудок спокойный, значит, хладнокровие».

В заключение Чернышевский предлагает запастись оружием. Он предостерегает крестьян от разрозненного выступления и призывает восстать всем одновременно по единому идущему из центра сигналу. А в ожидании этого сигнала — не терять времени и тщательно готовиться.

В начале 1862 г. в России возникла крупнейшая революционная организация начала 60-х годов — тайное общество «Земля и Воля». Известно, что Чернышевский принимал активное участие в создании этого общества. Он был инициатором и организатором первой ячейки будущего тайного общества, хотя сам формально не входил в это общество. По свидетельству его современника, активного деятеля революционного движения 60-х годов А. А. Слепцова, Чернышевский отказался от формального вхождения в «Землю и Волю», ссылаясь на то, что такое вхождение может затруднить ему работу в «Современнике», которую он ценил как могущественное средство революционирования русского общества. В состав тайного общества входили многие близкие друзья Чернышевского, в частности Н. А. Серно-Соловьевич, капитан генерального штаба С. И. Сераковский, А. А. Слепцов, а также П. А. Лавров и другие. Общество ставило перед собой задачу подготовки революции. Оно вело большую работу в войсках по привлечению армии на сторону народа. С этой целью выпускались и распространялись многочисленные прокламации, в том числе: «Братья солдаты», «Сборник солдатских песен», «Офицерам всех войск от общества «Земля и Воля» и др.

Таким образом, мы видим, что Н. Г. Чернышевский главным средством в обеспечении победы трудового народа над самодержавной реакцией считает революцию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВОЕННЫЙ СБОРНИК»

Чрезвычайно острой формой, при помощи которой редакция выражала свое отношение к публикуемым в журнале статьям, были примечания редакции.

На страницах «Военного сборника» затрагивались многочисленные, глубоко волновавшие передовых людей тогдашней России, вопросы. Главный редактор Н. Г. Чернышевский отлично чувствовал дух времени, настроения солдат, офицеров. Обстановка, сложившаяся в России, — рост либеральных настроений, подготовка реформ, вынужденные уступки правительства — стимулировала Чернышевского в его стремлении в максимальной степени использовать легальные возможности. Редактор «Военного сборника» делал все возможное для того, чтобы привлечь на свою сторону передовую часть офицерства русской армии, для того чтобы пробудить в его сознании необходимость решительной переделки существующего строя путем революции. Для этого широко использовалась такая форма, как «примечания редакции», по которым читатель без особого труда мог определить точку зрения самой редакции в том или ином вопросе.

Редакция печатала статьи без коренной переделки, чтобы не задевать самолюбия автора. Но к отдельным положениям статей, которые редакция намерена была уточнить, усилить или с которыми она не была согласна, делались примечания. Делались они, надо сказать, весьма осторожно и умело. Можно не сомневаться в том, что инициатива в этом деле принадлежала главному редактору Н. Г. Чернышевскому.

Статья «Голос из армии» особенно отличалась радикализмом и прогрессивностью взглядов. Чтобы подчеркнуть

свою солидарность с ее автором, редакция сделала к этой статье следующее примечание: «Редакция с признательностью помещает письмо г. Н. Ф. Т. (так была подписана статья. — Н. М.), дорожа отголоском сочувствия армии к цели «Военного сборника» (№ 1, стр. 77).

Автор статьи «О пользе обучения грамоте всей массы русских войск», напечатанной во втором номере журнала, наряду с целым рядом хороших и полезных мыслей сделал неправильный вывод, объяснив мародерство солдат их невежеством. Редакция в своем примечании к этому месту статьи указывала, что в этом деле «бывают виноваты начальники частей. Сытый солдат не полезет за поросенком... Солдат наш по натуре добр и великодушен, зачастую он помогает крестьянину в его полевых работах, зачастую делится с ним, в нужде, своим пайком, если только сам его получает» (стр. 357). В этом примечании, направленном на защиту солдата, нетрудно узнать голос Чернышевского.

Заботой о рядовом солдате, т. е. о простом, угнетенном и бесправном русском человеке, проникнуты многие строки журнала. В статье «Заметки командира стрелковой роты» автор дает некоторые советы о проведении гимнастики среди солдат. Он пишет: «Главное условие при гимнастических занятиях — не доводить людей до большой усталости, что тотчас отобьет у них всякую охоту к занятиям» (№ 1, стр. 132). Редакция своим примечанием к этому месту статьи еще больше усиливает мысль автора: «Гимнастика требует полной энергии человека... надо быть поосторожнее, чтобы не надорвать солдата» (там же).

Во втором номере журнала напечатана статья «Низовые и верховые донские казаки», рассказывающая об истории зарождения донского казачества. В примечании к этой статье редакция замаскированно и в то же время смело выражает свое отношение к царскому самодержавному строю. В примечании, в частности, говорится: «Новейшие исследователи русской истории согласны в том, что донские казаки, подобно запорожским, составились преимущественно из отважных людей, иногда уходивших с родины в пустынные пограничные земли добровольно, по любви к наезднической жизни, а чаще всего удалившихся туда, чтобы избежать преследования и притеснения, которому подвергались на родине. Ужасная беспорядица, господствовавшая в старинном русском управлении, позволяла и местным властям и всем вообще сильным людям страшно давить простой народ. Всеми признано, что с введением

крепостного права особенно усилился выход людей в казачество» (стр. 468).

На страницах журнала появлялись иногда статьи и реакционных авторов, которые нередко нападали на «Военный сборник», обвиняя его в радикализме. Помещение этих статей, повидимому, необходимо было редакции для того, чтобы притупить бдительность властей и, в частности, цензуры. Правда, все эти статьи сопровождались подробнейшими примечаниями редакции.

Статьи Н. Обручева «Изнанка Крымской войны», вскрывавшие факты крупных злоупотреблений, бездарность многих высших военачальников во время Крымской кампании, имели большой успех у читателей. Но кое-кому эти статьи пришлось не по вкусу. Они вызвали ответные статьи. Некоторые из них были опубликованы в газете «Русский инвалид», а иные — в «Военном сборнике». Один из работников штаба южной армии написал статью «Заметки на вторую часть статьи «Изнанка Крымской войны» (№ 7). Автор ее пытался оправдать бездарность некоторых военачальников южной армии. Поместив эту статью, редакция сопроводила ее многочисленными примечаниями, то и дело полемизируя с автором. Беря под защиту высшее управление южной армии, автор говорил, что такие мелочи, как устройство пунктов для стоянки войск — бани, хлебопекарни, стирка белья и т. п., «не могут никак входить в круг деятельности высшего управления. На это у последнего нет времени». Редакция дает примечание: «...Суворов никогда ими (мелочами. — Н. М.) не гнушался. И какую же роль создает автор для высшего управления? ...Пособить же сбережению людей бдительным надзором, чтобы все мелочи, от которых зависит быт солдат, были в порядке, он считает не подлежащим кругу обязанностей высшего управления. Что же остается тогда делать управлению?» (стр. 207).

Еще более едкими и остроумными примечаниями редакция сопровождает статью генерала Затлера «Изнанка налицо» (№ 7), являющуюся также ответом на статьи «Изнанка Крымской войны». Автор утверждает, что якобы, несмотря на все затруднения с продовольствием, во время Крымской войны не было ни одного случая перебоя в снабжении войск. Редакция очень деликатно, но с известной долей сарказма, замечает: «Не смеем сомневаться в этом; но, вероятно, автор «Изнанки Крымской войны» не знал, как иначе объяснить себе, что войскам приходилось иногда есть гнилые сухари» (стр. 228). Далее генерал Затлер утверждает,

что продовольствия и боеприпасов, которыми войска располагали в мирное время, якобы было достаточно для ведения войны в Крыму. Редакция своим примечанием опровергает утверждения автора. Она пишет: «...Вероятно, автор согласится, что тем порохом, которым стреляли на Дунае, нельзя было уже стрелять вновь; что медикаменты, израсходованные в княжествах, не могли служить вновь; что многие из госпитальных вещей, пришедшие в негодность, не могли служить вновь... Но еще вероятнее, что автор согласится, что деньги, этот первообраз всех материальных средств, израсходованные в княжествах, были израсходованы безвозвратно и не могли служить в Крыму».

Генерал Затлер в заключение своей статьи многозначительно заявляет: «Заключая эту статью, остается желать, чтобы автор «Изнанки» на будущее время не вводил в заблуждение публику такими сведениями, которые по важности своей требуют самой строгой истины, без чего они не только бесполезны, но и вредны» (стр. 238). Редакция журнала иронически соглашается с автором: «Автор требует самой строгой истины. Мы с удовольствием будем печатать все статьи, которые послужат к разъяснению истины» (там же).

Таким образом редакция, помещая иногда статьи реакционных авторов, своими многочисленными, сделанными как бы вскользь, но весьма острыми примечаниями сводит на-нет злобные нападки реакции на журнал. Читателю журнала сразу же видна точка зрения редакции на тот или иной вопрос, который освещается на страницах «Военного сборника».

Иногда, как исключение, в журнале помещались и такие статьи, полемизировать с авторами которых редакция считала излишним. Статьи эти по духу своему были вовсе чужды редакции «Военного сборника». Такова, например, небольшая заметка М. Богдановича «Следует ли называть укрепление, находившееся в центре бородинской позиции, батареей Раевского» (№ 1). Редакция к этой заметке делает краткое примечание: «По желанию профессора Николаевской военной академии генерального штаба генерал-майора Богдановича печатаем эту записку, хотя она служит продолжением спора, которому чужд «Военный сборник» (стр. 296).

В этом же номере помещена заметка «О способе комплектовать резервные эскадроны лошадьми». Редакция также делает к ней короткое примечание: «По желанию

гр. Рж-аго, редакция «Военного сборника» помещает его заметку, но при этом считает своею обязанностью заметить, что она не согласна с мнением автора» (стр. 299).

Свою точку зрения редакция высказывала и по чисто военным вопросам. В статье «Снаряжение кавалерии» (№ 2, стр. 377) автор выразил мнение о том, что для кавалеристов достаточно иметь револьвер, кроме сабли и пики, так как якобы стрелять им чаще всего приходится на короткой дистанции. Редакция в своем примечании пишет: «Относительно вооружения кавалерии из огнестрельного оружия исключительно только револьвером... мы с автором не согласны... Наездникам ограничиться одним револьвером нельзя, потому что только в весьма редких случаях приходится стрелять на расстоянии 25-ти шагов или еще меньшем. Наконец, кавалерии вообще обойтись без хорошего нарезного оружия, хотя бы и в малом количестве, также невозможно; в тысяче случаев оно может ей быть необходимо».

Используя примечания, редакция журнала придавала более заостренный и целеустремленный характер даже тем статьям, которые хотя в общем и носили прогрессивный характер, но содержали, с точки зрения редакции, те или иные ошибочные положения. «Примечания редакции», выражавшие ее точку зрения, имели тем большее значение, что в то время передовых статей в журнале не существовало.

Так настойчиво, последовательно Н. Г. Чернышевский осуществлял те задачи, которые он поставил перед собой, принимая предложение о работе в журнале.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОТНОШЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА К ВЫХОДУ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ «ВОЕННОГО СБОРНИКА»

Выход в свет первого, а также и последующих номеров «Военного сборника» вызвал на страницах русской периодической печати шумную полемику. Журнал в обличительном, необычном для того времени тоне ставил волнующие русскую армию вопросы и решал их в довольно радикальном направлении. Постановка таких вопросов, как отношение начальников к подчиненным, о солдатокрадстве, формалистике в обучении войск и др., встречала поддержку и сочувствие на страницах периодической печати, в частности в журнале «Отечественные записки», в литературном и политическом журнале «Русский вестник».

В июньской книжке журнала «Отечественные записки»¹, в отделе «Современная хроника России», напечатана статья «Военный сборник» и интереснейшие его статьи», в которой дается подробный разбор первого, только что вышедшего, номера «Военного сборника». В статье детально комментируются важнейшие вопросы, затронутые в новом журнале — о правах и быте солдат, о дисциплине, об отношении офицеров к рядовым и старших к младшим, о недостатках военного устройства и т. п. Это фактически обстоятельная положительная рецензия на первую книжку нового журнала.

Во вступительной части этой рецензии автор говорит о том, что до появления «Военного сборника», русская армия не имела своего печатного органа, который бы следил за военным делом, обсуждал бы вопросы, касающиеся армии и т. д. За исключением чисто специальных журналов — артиллерийского, инженерного — другие издания не отвечали своему назначению.

¹ «Отечественные записки», июнь, 1858.

«Наконец, в начале мая, — пишет автор, — как впрочем, и было обещано, вышла первая книжка «Сборника». Мы просмотрели ее от начала до конца и должны сказать, что она оставляет впечатление приятное».

«Многие статьи, — говорит далее автор, — обладают большими достоинствами и прежде всего искренностью и правдивостью. В этих статьях поднимаются такие животрепещущие вопросы, как взаимоотношения начальников и подчиненных, образование военных чинов и т. п. Статьи эти проникнуты современными взглядами на вещи, написаны с искренностью, с теплым желанием лучшего на пользу военного дела».

В рецензии дается подробный разбор важнейших статей первого номера «Военного сборника». Комментируя отдельные положения статей, журнал «Отечественные записки» целиком солидаризируется с редакторами «Военного сборника» в их взглядах на современное состояние русской армии.

О том, какое огромное влияние в тот период оказывал «Военный сборник» на армейских читателей, очень наглядно говорит факт, рассказанный генералом П. К. Меньковым. В одном из пехотных полков производилось следствие. Командир батальона в своем рапорте на имя начальника дивизии неодобрительно отозвался о своем командире полка. На следствии этот командир батальона в своем ответе на вопрос «Какое вы имели право так неуважительно отзываться о своем начальнике?» писал: «Я не полагал, чтобы за выражения, неумышленно употребленные и заимствованные мною из статей «Военного сборника» 1858 г., высочайше одобренного, меня так строго судили»¹.

Но молодой прогрессивный журнал приобрел не только много друзей, но и немало недругов. «Военный сборник», не щадивший самолюбия ни отдельных лиц, ни целых организаций, привлек внимание правительства и военной цензуры своим ясно выраженным демократическим направлением и критическим духом по отношению к феодально-крепостническим устоям царской армии. Статьи, помещаемые в журнале, вызвали негодование в среде консервативного, реакционно настроенного офицерства и генералитета. Последние «с пеной у рта» доказывали, что это-де клевета на армию, на военное сословие.

¹ П. Меньков, Записки, т. II, дневник, СПб, 1898, стр. 270.

К числу недругов молодого журнала принадлежал и сам инициатор издания «Военного сборника» Д. А. Милютин, целиком разделявший по этому вопросу мнение консервативного лагеря. Восторгаясь самим фактом создания журнала, он в то же время негодует по поводу неугодного ему направления «Военного сборника». «Выбор Чернышевского в состав редакции специально военного журнала, — пишет он, — был крайне неудачен и, как оказалось впоследствии, сильно повредил изданию... Редакция, задавшись повидимому благою целью — ратовать против укоренившихся в войсках и в военных управлениях стародавних злоупотреблений и беззаконий, к сожалению увлеклась слишком неосторожно на этом скользком пути и впала в резкий обличительный тон. Само собой разумеется, что такое направление «Военного сборника» должно было вызвать настоящий гвалт в среде начальствующих лиц и старых служаков, которые с ужасом вопили о подрыве дисциплины, даже о революционной пропаганде в войсках». Направление издания было «мало соответственным официальному, издаваемому на казенный счет военному журналу», — заключает Милютин¹.

Консервативная печать, к числу которой в то время принадлежала газета «Русский инвалид», резко нападала на «Военный сборник». Эта газета превратилась в орган обиженной «Военным сборником» военной верхушки. Она охотно предоставляла ей свои страницы для нападок, грязной клеветы на молодой журнал. Характерно, что почти все статьи с нападками на «Военный сборник» говорили о том, что журнал пишет о злоупотреблениях в армии, якобы не зная ни армии, ни ее хороших и худых сторон «и составляя свои статьи по каким-то умозрительным понятиям о русском войске». В этом был явный намек, выражение недовольства тем, что журнал возглавлялся гражданским лицом, к тому же человеком передовых революционных взглядов.

Одновременно со статьей в «Отечественных записках» появилась статья на ту же тему в газете «Русский инвалид» (№ 122 за 1858 г.). Это также фактически подробная рецензия на первую книжку «Военного сборника». Но «Русский инвалид» подошел к оценке молодого журнала с совершенно противоположных позиций. В газете со статьей

¹ «Литературное наследство», т. 25—26, 1936, стр. 235 (отрывок из дневника Д. А. Милютина. Публикация Б. Козьмина).

«Ответ безымянному автору статьи, помещенной в «Военном сборнике» № 1» выступает генерал-адъютант граф Сумароков. Он критикует «Военный сборник» за то, что он в № 1, в разделе «Обозрение военных журналов», доказывает необходимость обучения солдата, причем не механического, а всестороннего образования его в соответствии с требованиями современного военного искусства. Реакционный генерал возражает этим прогрессивным чаяниям «Военного сборника». Он боится, что «такое воззрение по смыслу своему, признающее образование солдата первостепенным условием... может увлечь во вредные заблуждения многих».

Особенно злобно нападал на «Военный сборник» генерал-адъютант граф Ржевуский. В газете «Русский инвалид» была напечатана его статья под названием «Армеец неармейцу» с подзаголовком «Ответ на статью, помещенную в 7 номере «В. С.»». Автор статьи, известный своими крайне реакционными взглядами на порядки в русской армии, в злобном, негодующем тоне обрушился на журнал за то, что он предоставил свои страницы представителям передовой части русского офицерства. «Появился первый номер («Военного сборника». — Н. М.), — писал он, — и поразил нас своим составом: какие-то недомолвки и полунамеки под названием: «Взгляд на состояние русских войск...», «Образованиях в артиллерии», помещен трактат о зуботычинах, и в довершение всего, книжка эта украшена хриплым и надсадившимся от бессильной злости «Голосом из армии»¹.

Решительный отпор Ржевускому дал литературный и политический журнал «Русский вестник»², взявший под защиту «Военный сборник». Журнал писал: «Графу Ржевускому не нравится направление Военного сборника; многим оно, напротив, очень нравится... Но граф, нападая на почтенный журнал, заслуживший общее одобрение, возводит на него такие обвинения, ...что нам становится страшно не только за этот журнал, но и за всю русскую литературу».

Графу Ржевускому не нравилось все направление журнала. Он указывал на опасность, угрожавшую «престолу и отечеству от развития гласности». Отвечая на это, «Русский вестник» далее писал: «...Нападение «Военного сборника» на злоупотребления, гнездящиеся в нашей армии, доказы-

¹ «Русский инвалид» № 281 за 1858 г.

² «Русский вестник» № 2 за 1859 г., «Современная летопись», стр. 108—112.

вают только истинную любовь к отечеству, со стороны... редакторов этого журнала, любовь не парадную, не официальную, а такую, при которой желание очистить доблестную армию от вещей, не имеющих ничего общего с доблестью, становятся делом весьма естественным».

На высказывание Ржевуского о том, что «Военный сборник» марают честь мундира, журнал отвечает: «Марают мундир те, которые допускают и защищают злоупотребления, под ним скрывающиеся, а не те, которые преследуют эти злоупотребления... Следует изобличать и карать, — говорит далее «Русский вестник», — всякое нечистое побуждение и дурной поступок. Так по крайней мере поступают истинные патриоты...»

Ржевуский обвинил «Военный сборник» в том, что, разоблачая казнокрадство, процветавшее в то время в русской армии, журнал тем самым порочит военную доблесть. И «Русский вестник» отвечает: «Военная доблесть и казнокрадство не имеют ничего общего между собою; но история, к сожалению, доказывает, что оба эти качества могут соединяться не только в одной и той же армии, но иногда в одном и том же субъекте».

Само собой разумеется, что реакционный генерал граф Ржевуский был не одинок. За его спиной стояла вся реакционная правительственная верхушка, боявшаяся малейшего нарушения существующего порядка в русском монархическом государстве; за его спиной было прогнившее насквозь царское полицейское государство. Ржевуский выражал их мнение, поэтому и злобные выкрики графа относились не только к одному «Военному сборнику». «Он нападает, — как справедливо указывал «Русский вестник», — хотя и не прямо, на всю русскую литературу и на современное ее направление».

Газета «Русский инвалид» предоставляла свои страницы многочисленным авторам, выражающим свое недовольство «Военным сборником». С критикой журнала в газете выступали доктор Михайлов, «Армейский офицер», «Недоверчиков», «Служивший в южной армии», Павловский, Затлер и др. Злобные нападки консервативных, реакционных авторов на молодой журнал являются лишним доказательством того, что он стоял на правильных позициях.

Печатаемая статьи, вскрывающие порочное устройство военной администрации, «Военный сборник», правда, не указывал те средства, при помощи которых можно было бы устранить эти пороки. Да это и неудивительно. Назвать открыто

радикальное средство — изменение существующего строя путем революции — было невозможно. Поэтому Чернышевский стремился легальными путями показать передовой части офицерства — в чем главная причина всех бед русской армии.

Насколько сильным был обличительный голос «Военного сборника» и как перепуганы были этим не только реакционные, но и либеральные круги, можно судить по высказыванию генерала П. К. Менькова, сменившего в 1859 г. Чернышевского на посту главного редактора «Военного сборника». Он писал: «Военный сборник» в продолжение своего восьмимесячного существования издавался... под редакцию между прочим и г-на **Чернышевского**. Последний, **слишком известный в литературном мире шестидесятых годов, орудовал всем изданием** (подчеркнуто мною. — *Н. М.*) и дал журналу столь дикое направление, что самые отчаянные либералы пришли в ужас! Журнал неразумно перешел известные пределы свободы слова; неразумно и бесполезно заговорил брань на всевозможные виды; бранил все, кричал, что «все глупо и нелепо, учитесь у нас, мы наставим вас и поведем по пути прогресса!» ...Взволновалась цензура против неподчиненного ей журнала; взволновались и власти, подкапываемые громкими и открытыми нападками; восхищались прапорщико-прогрессисты!...»¹.

В этих строках вынужденного признания — высокая оценка той прогрессивной роли, которую сыграл Чернышевский, будучи главным редактором «Военного сборника».

Таково было отношение русского общества к выходу первых номеров молодого журнала.

¹ П. Меньков, Указ. соч., стр. 266—267.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БОРЬБА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО С ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРОЙ

Выход в свет первых книжек молодого журнала «Военный сборник» сразу же обратил на себя внимание военно-политической цензуры.

Военный цензор полковник Штюмер под видом доклада о вредном направлении всей литературы вообще и «Военного сборника», в частности, написал на него донос, содержащий подробный разбор первых трех номеров журнала.

Записка Штюмера была весьма пространна, она состояла из нескольких разделов. Военный цензор разбирал статьи по темам, которые в них затрагивались: «Солдатокрадство», «Отношение офицерства к солдату», «Отношение начальников к подчиненным офицерам», «Дисциплина», «Служба», «Смотры», «Стрельба в мишень», «Военное судопроизводство», «Мысли по частям учебной и ученой», «Полемика», «О вооруженной силе государства», «Отношение к иностранным державам» и «Заключение». Одни названия разделов записки Штюмера наглядно показывают, какими животрепещущими для того времени вопросами занимался «Военный сборник» под главной редакцией Н. Г. Чернышевского. Беспокойство цензуры было вызвано не столько постановкой этих вопросов, а тем, что они решались журналом в резко обличительном духе по отношению к феодально-крепостническим устоям царской армии и, следовательно, неугодном царскому правительству.

Ответом на донос Штюмера явилась записка Чернышевского¹, составленная им по поручению военного министра Сухозанета для доклада царю. Первоначально записка была написана Чернышевским в резком тоне, но затем

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. X, ч. 2, СПб, 1906, стр. 231—259.

по требованию военного министра была смягчена. Из нее были вычеркнуты многие фразы, остро и хлестко высмеивающие невежество военного цензора. Так, например, военный министр вычеркнул следующую фразу Чернышевского: «Г. военный цензор сам признается в своем докладе, что «не получает постоянно никаких журналов», следовательно, не имеет привычки к чтению. Это признание одно только и могло объяснить для нас характер его доклада». В первом варианте своей записки Чернышевский с особой беспощадностью высмеивал также невежество Штюрмера в вопросах литературы, его оторванность от жизни, незнание действительности и т. п.

Поражение в Крымской войне вскрыло ряд существенных недостатков и злоупотреблений в обучении, вооружении и хозяйстве царской армии. Правительство вынуждено было под давлением оппозиции приступить к подготовке реформ, в том числе и военных. Говоря об этих намерениях правительства, Чернышевский в своей записке писал: «Представлялась необходимость склонить всех благомыслящих офицеров к искреннему исполнению мер, принимаемых правительством для искоренения зла; вернейшим путем к тому было — дать самим офицерам средство узнать и высказать истину».

«Военный сборник», — говорит далее Чернышевский, — старался выполнить те задачи, которые перед ним стояли так, как это казалось редакции наиболее целесообразным. Направление «Военного сборника» было понято огромным большинством русских офицеров точно так, как предполагала понимать его редакция «Сборника». ...Из нескольких сот статей, доставленных в «Военный сборник», не было ни одной, которая имела бы иной смысл».

В своих замечаниях на донос военного цензора Чернышевский энергично восставал против мракобесов, отстаивая программу просвещения армии, борясь против невежества, защищая право литературы открыто говорить о пороках общества. Военный цензор Штюрмер, как и некоторые другие реакционные деятели русской армии, в своем доносе пытался обвинить «Военный сборник» в том, что он якобы унижает честь русской армии. «Ложь!» — отвечал Чернышевский и приводил убедительные аргументы. Он говорил о том, что «Военный сборник» издается под непосредственным наблюдением начальства одного из корпусов русской армии, два редактора из трех принадлежат к офицерам русской армии. Все статьи, за исключением двух, чисто

исторических, написаны офицерами русской армии, и, наконец, 5800 читателей из 6 тысяч являются офицерами русской армии.

Передовая часть офицеров русской армии хорошо понимала смысл разоблачений в «Военном сборнике» и, как говорил Чернышевский, «радовалась всему, что вело к искоренению в ее рядах невежества и недобросовестности». И «потому русская армия с одобрением принимает статьи, способствующие совершенному очищению ее от недостатков. Но г. военный цензор понимает честь не так, как понимает ее огромное большинство офицеров русской армии. Он недоволен, он находит предосудительным для чести русской армии направление «Военного сборника». И далее Чернышевский пишет: «Направление «Военного сборника» придано этому изданию не редакцией, не начальством гвардейского корпуса, а самими офицерами русской армии». Редакция отбирала для печати из множества полученных ею статей по степени их дельности и по качеству изложения. «Относительно направления,— заявляет Чернышевский,— выбор был невозможен, потому что решительно все без исключения статьи были проникнуты одинаковым направлением».

Кстати говоря, сам полковник Штюрмер заметил это. В своей записке о «Военном сборнике», приложенной к докладу о направлении литературы вообще, он говорил, что четыре статьи, написанные разными авторами и помещенные в первой книжке «Военного сборника», «заслуживают особого внимания, с одной стороны, по важности рассматриваемых предметов и видимому сходству, почти тождественности взгляда на оные, а с другой — потому, что случайное совокупление сих четырех голосов может быть принято неопытным читателем за голос большинства всей армии».

Этого-то боялся военный цензор. И отвечая ему, Чернышевский констатировал, что Штюрмер, написав эти слова, «безвозвратно осуждает сам себя». Он сам подтверждает, «что четыре офицера, принадлежащие к совершенно различным родам войск, думают о положении нашей армии, ее потребностях, достоинствах и недостатках, совершенно одинаково, хотя живут в различных концах России».

Действительно, эти статьи по направлению своему весьма сходны. Авторы выражали мнение передового офицерства. И это не случайно, так как почти для всей русской армии того периода было характерно злоупотребление, воровство, невежество и пр. Да и сам Штюрмер понимал это, ибо в

записке он признавал, что «направление осуждаемого журнала пользуется сочувствием в армии». Другое дело, что это не нравилось цензору, понимавшему, к чему это может повести.

В стремлении очернить журнал цензор не брезгал ничем, вплоть до бессовестного извращения содержания статей. В связи с этим Чернышевский вынужден был к объяснительной записке приложить еще один документ — «Сличение записки полковника Штюмера о «Военном сборнике» с подлинным текстом Сборника»¹. Чернышевский показал, что военный цензор стряпал свой донос, как и следовало ожидать, провокационно: он выхватывал из текста отдельные фразы, извращая тем самым смысл. Выдержки брались «без начала и без конца и даже без середины». Иногда в качестве цитат из текста статей, опубликованных в «Военном сборнике», цензор писал свои собственные слова, которых вовсе не было в тексте, выдавая их за слова автора статьи. Он произвольно сводил «отдельные фразы в целый параграф, которого, конечно, и смысл вышел совершенно не тот».

С особой злобой, как указывал Чернышевский, Штюмер обрушился на статьи, опубликованные в первом номере «Военного сборника». Это прежде всего «Голос из армии», «Мысли по поводу преобразований в артиллерии», «Заметки командира стрелковой роты», «Обозрение военных журналов» (статья перепечатана из «Морского сборника» — «Старые мысли на новый лад»). Вокруг этих статей главным образом и вращались клеветнические, проникнутые ненавистью ко всему передовому, прогрессивному замечания военного цензора. Но здесь цензор попал впросак. Он яростно обрушился на одну из статей, которая, как оказалось, целиком была взята «Военным сборником» из вышедшего уже «Морского сборника». «Таким образом, — говорит Чернышевский, — мнение полковника Штюмера о предметах чести расходится с мнением морского начальства, издающего «Морской сборник». Вторая статья, которая, по мнению полковника Штюмера, бесчестит русскую армию, «Голос из армии» была одобрена к печати самим царем. Между тем именно эта статья доставила цензору наибольшее количество материалов для его особой записки о «Военном сборнике».

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. X, ч. 2, СПб, 1906, стр. 260.

Будучи главным редактором журнала, Чернышевский действовал весьма предусмотрительно, осторожно и умело. Статья «Голос из армии» действительно была одобрена царем. Но, очевидно, он не читал ее, а дал согласие на печать по докладу начальства гвардейского корпуса. А быть может, царь, читая статью, не понял ее смысла, иначе трудно объяснить его «согласие» на опубликование «Голоса из армии».

Полковник Штюмер в своей особой записке о «Военном сборнике» делал следующий вывод: «Таким образом, русская публика, в последние три месяца, осведомилась из 3-х лучших журналов («Современник», «Отечественные записки» и «Военный сборник»), что офицеры нашей армии невежды, пьяницы и воры». Чернышевский категорически возразил: «В «Военном сборнике» ни разу не употреблены эти грязные слова». Их, конечно, не было и в других передовых русских журналах. Ибо люди, сотрудничавшие в них, не могли не знать, что в рядах русских офицеров есть настоящие патриоты, прогрессивные и даже революционно настроенные люди.

В своем доносе Штюмер попытался представить те страшные последствия, к которым приведет направление, взятое «Военным сборником». Он говорит о том, что никто из молодых людей не пойдет на военную службу, не будет уважать начальства, Россия потеряет свой голос в европейских делах, наконец, исчезнет внутренняя безопасность, если правительство не запретит русским писателям говорить о недостойном поведении некоторых русских офицеров.

Но Штюмер не ограничился клеветой, подтасовыванием фактов в вопросах военной печати. Этот чванливый чужеземец, невежда и глушитель всего передового и прогрессивного, взял на себя смелость давать советы русской литературе. Он писал, в частности, что литература «должна преследовать только те пороки и недостатки, которые действительно существуют, и представлять типы, действительно взятые из среды общества». «Но именно так и действует русская литература,— ответил ему Чернышевский.— Все повести и статьи, на которые он нападает, могут служить тому примером».

Закljučая свой донос, военный цензор писал: «Сожалеть должно, что эти именно статьи были избраны для обработки. Исследования по сим предметам требуют зрелой служебной опытности, уважения к существующему порядку». В этих словах скрыта первопричина всех возмущений цен-

зора. Он требовал «уважения к существующему порядку», а главный редактор «Военного сборника» Чернышевский, так же как и многие авторы и читатели журнала, отказывал этому «порядку» в уважении. Одни из них — либералы — надеялись, что «порядок» этот будет несколько изменен путем широкого проведения реформ, а другие — настроенные революционно — верили в необходимость изменения порядка насильственным, революционным путем.

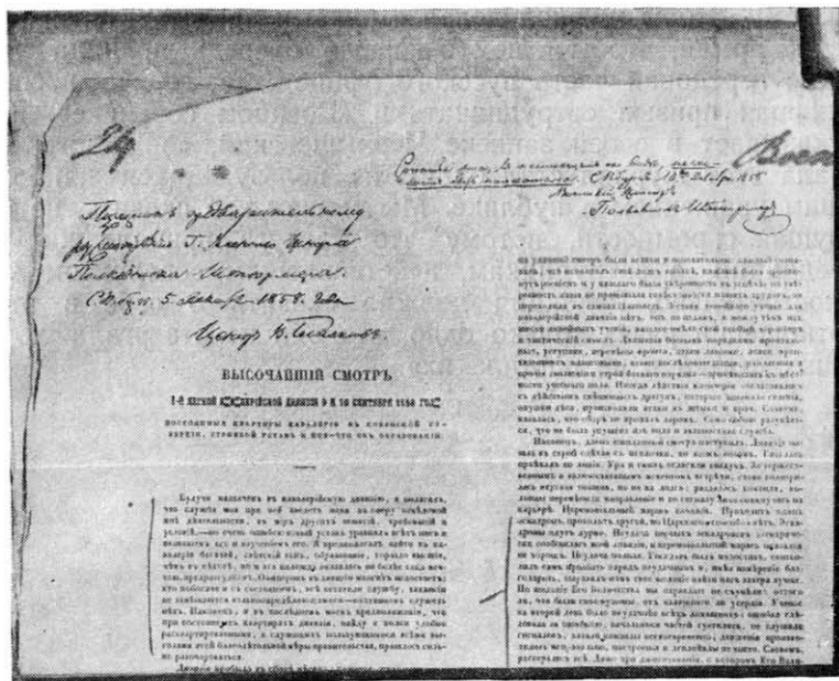
Н. Г. Чернышевского до глубины души возмутил донос военного цензора, ибо он касался главным образом трех передовых русских журналов, два из которых, «Современник» и «Военный сборник», выходили под его редакцией. В своем объяснении на донос цензора он писал: «Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не может быть решен в его пользу». Однако в действительности вопрос был разрешен в пользу военно-политической цензуры. Как и следовало ожидать, царское правительство, как огня боявшееся правды и защищавшее устои феодально-крепостнического государства, вняло голосу реакционных кругов, верным адвокатом которых был Штюрмер.

В результате по департаменту генерального штаба был составлен доклад «О «Военном сборнике»¹. В этом докладе говорилось: «Статьи «Военного сборника», на основании прежнего постановления, рассматриваются одними гражданскими цензорами и утверждаются к напечатанию помимо военного цензора. От этого происходят некоторые неудобства, а именно: гражданский цензор, руководствуясь общим цензурным уставом, пропускает такие статьи, которые предосудительны для чести нашей армии или вредны для службы... За появление в «Военном сборнике» вредных для армии статей, гражданский цензор не отвечает... и военный цензор также не отвечает, потому что они не подлежат его рассмотрению»². Доклад был представлен военным министром царю. Александр II наложил резолюцию: «После сегодняшних объяснений мне ничего не остается прибавить, т. е. Сборник непременно должен подлежать просмотру военного цензора»³. С этого времени (ноябрь 1858 г.) «Военный сборник» подвергался двойной цензуре. Его статьи, кроме гражданского, смотрел и беспощадно «калечил» военный цензор.

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 23/278, ед. хр. 17, св. 796, лл. 129—132.

² Там же.

³ Там же.

Фотокопия начальной гранки цензурской корректуры статьи „Высочайший смотр 1-й легкой кавалерийской дивизии 9 и 10 сентября 1858 года“. Статья эта сплошь помечена красным карандашом цензора. Она, как и многие другие статьи, в которых в резкой форме критиковались царские порядки, не увидела света. На гранке имеются две цензурские надписи. Одна из них принадлежит гражданскому цензору Бекетову, который писал: „Подлежит предварительному рассмотрению г. военного цензора полковника Штюрмера“, вторая — военному цензору Штюрмеру. Она гласит: „Статья эта в настоящем ее виде не может быть напечатана“ (Центральный Государственный Литературный Архив, ф. № 1, ед. хр. 280)

Чернышевский не хотел, да и не мог превратить журнал в казенный вестник официальных указаний и директив правительства. Ему чужда была половинчатость. Он старался извлечь максимум из тех легальных возможностей, которые в качестве уступки предоставлялись царским правительством, боявшимся надвигающейся революции. Он стремился к тому, чтобы журнал делался руками представителей русской армии, чтобы в нем в первую очередь приняла участие передовая часть русского офицерства, горячо воспринявшая призыв сотрудничать в «Военном сборнике». Как указывает в своей записке Чернышевский, «с самого начала этот журнал стал одним из пользующихся наибольшим уважением в публике. Мы можем это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежит не редакции, а сотрудникам, действовавшим совершенно самостоятельно. Редакция должна сказать о себе в этом отношении разве только одно, что она не отвергала хороших статей и не портила их».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

УХОД Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО ИЗ ЖУРНАЛА. ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ «ВОЕННОГО СБОРНИКА»

Программа Чернышевского-редактора оказалась неприемлемой для официального правительственного журнала. Чернышевскому стало ясно, что царское правительство не позволит ему поддерживать прежнее направление, а без этого работа в журнале для него не имела никакого смысла, и в конце 1858 г. Николай Гаврилович вынужден был уйти из «Военного сборника». Он видел, что оставаться здесь было уже бесполезно. Легальные возможности были исчерпаны. Работу по революционизированию русской армии с этого времени надо было вести уже при помощи только нелегальной деятельности. И Чернышевский активно взялся за эту работу, став одним из организаторов нелегального революционного центра в России.

С уходом Чернышевского из журнала «Военный сборник» перестает быть выразителем передовой военной и общественно-политической мысли 60-х годов. На должность главного редактора журнала был назначен генерал-майор П. К. Меньков. Новому редактору было указано сделать журнал «более умеренным, научным и более соответственным взгляду высшего начальства».

В своих дневниках Меньков писал: «Трудно было, не изменяя резко общего направления журнала, постепенно перейти от тона дикого (?) к тону более умеренному, удовлетворить критиков и успокоить встревоженных!»¹ В этих строках — программа нового редактора, программа, рассчитанная на то, чтобы угодить двум направлениям, двум партиям: передовой и реакционной.

¹ П. Меньков, Указ. соч., стр. 268.

Новый редактор понимал, что резко менять направление журнала нельзя, ибо от него отшатнутся читатели. Но так оно и получилось. Меньков рассказывал, что перемены в редакции были встречены с большим недоверием, даже с неприязнью. Всем было ясно: на смену обличительному направлению пришло направление консервативное. Само звание генерала, соединенное со званием редактора, по словам Менькова, в глазах многих было уже достаточной причиной, чтобы встретить новую редакцию с некоторой холодностью.

«Таким образом,— говорил Меньков,— с первого шага новая редакция не только не встретила сочувствия, но в большинстве молодежи и приверженцах направления прежнего «Сборника» видела неприязнь»¹. Все это говорит о том, что перемену в редакции «Военного сборника» большинство читателей встретило отрицательно. К этому надо добавить, что примерно три четверти авторов журнала отказалось от дальнейшего в нем сотрудничества. Значительно сократилось число подписчиков. Причем в дальнейшем оно сокращалось с каждым годом, и царскому правительству пришлось увеличить субсидию журнала с 12 до 15 тысяч рублей в год.

Характер журнала резко изменился. Это был по существу другой журнал, вовсе не похожий на прежний «Военный сборник». Его страницы стали заполняться статьями повествовательного и описательного характера, статьями на военно-исторические и военно-географические темы. В журнале исчезли статьи, касавшиеся жизни и быта войск. Новое направление «Военного сборника», естественно, пришлось по вкусу царю. Александр II одобрил его. На отчете об издании «Военного сборника» за 1859 г. царь наложил резолюцию: «Читал с удовольствием и благодарю искренно гл. ред-ра за данное направление, совершенно соответствующее Моим желаниям»².

Иначе смотрела на перемену направления журнала масса читателей «Военного сборника». Вот один характерный с этой точки зрения документ — письмо генерала русской армии Клугина на имя нового редактора Менькова³. В начале письма Клугин вспоминает, каково было отношение в войсках к журналу в первый год его существования

¹ П. Меньков, Указ. соч., стр. 269.

² Военная энциклопедия, изд. Сытина, т. VI, СПб, 1912, стр. 588.

³ Там же, стр. 589.

(1858 г.). «Военный сборник», — рассказывает он, — тогда был встречен общим приветствием большинства читающих военных». По мнению генерала, главная причина этого состояла в том, что журнал резко коснулся некоторых «невыгодных сторон нашего военного быта... Такому направлению нового журнала более впечатлительная часть военного сословия была чрезвычайно рада. Еще больше обрадовалась она, когда увидела, что и начальство не уходит от суда гласности в своих действиях».

Но если одни в таком направлении нового журнала видели, как выражается генерал Клугин, «зарю нашего очищения, другие ужаснулись его, боясь за дисциплину и субординацию. Третьи испугались за себя. Теперь все возможно печатать в «Военном сборнике», пожалуй напечатают и обо мне. Вот мысли некоторых боящихся суда гласного. Четвертые — меньшинство — заговорили на манер того, как рассуждают патриоты «Мертвых душ»: «Захотел высказывать печатно все это, пожалуй узнают иностранцы, — что о нас тогда скажут». Наконец, последние, преимущественно те, которые, кроме уставов, ничего не читали, положительно обижались». «Когда же сделалась известной смена прежней редакции и замещение ее новою, — говорит далее Клугин, — впечатление было невыгодное. «Значит, нельзя говорить вполне правду» — вст что послышалось от тех, которые деятельно следили за помещаемыми в «Военном сборнике» статьями; они с нетерпением ждали 1-й книжки 1859 года. Нельзя сказать, чтобы 1-й № утешил нас».

Таково было мнение читателей. Но, как известно, в те времена с этим не принято было считаться. «Военный сборник» был направлен по пути официальному, казенному, угодному царскому самодержавию.

В конце мая 1859 г., когда вышло уже пять номеров журнала под новой редакцией, один из корреспондентов «Русского инвалида», которого вовсе нельзя заподозрить в благосклонности к прежней редакции «Военного сборника», писал: «По вышедшим донныне книжкам «Военного сборника» под новой редакцией, нельзя покамест сказать ничего положительного о духе, характере и направлении этого журнала. Новая редакция как будто бы еще не нашла опорной точки»¹.

Новому редактору также пришлось вести борьбу с военной цензурой, которая в этот период особенно настожи-

¹ «Русский инвалид», 30 мая 1859 г.

лась. Вот что говорит об этом сам Меньков: «Издавна известно, что цензура наша не заключала в себе никакого разумного начала и отдавалась на произвол людей отсталых, запоздалых даже в современной жизни! Замечательно, что «Военный сборник» имеет у кровного русского редактора цензорами **русского слова — Штюмерга и Оберга...**»¹.

«Военный сборник» был поставлен в такие цензурные рамки, что даже новый редактор, как показывает его собственное признание, не мог осуществлять свою программу весьма умеренного либерала. Через год после своего назначения Меньков писал: «Военный сборник» прожил свой год... И вошел журнал в общий разряд **казенных** и частных журналов»².

Лишь позже, когда на должность военного министра был назначен Д. А. Милютин, «Военный сборник» несколько ожил. Журнал в это время широко используется для нужд, связанных с проведением военных реформ. Однако оживление этого периода не дало и не могло дать того подъема, которого журнал достиг, когда редактором его был великий революционер-демократ Н. Г. Чернышевский.

¹ П. Меньков, Указ. соч., стр. 274.

² Там же, стр. 272.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крымская война, с исчерпывающей ясностью вскрывшая технико-экономическую и политическую отсталость России, содействовала росту в стране оппозиционного настроения. Россия переживала небывалый подъем общественно-политического движения. В стране все заметнее нарастала революционная ситуация.

В это время усиливается интерес к периодической печати, на страницах которой ведется обсуждение будущих преобразований в стране. Развивается либеральная журналистика, центром которой стал новый журнал «Русский вестник», основанный в 1856 г. Огромным успехом в этот период пользуется наиболее передовой русский журнал, орган революционных демократов, «Современник». Вокруг него группировались наиболее передовые писатели и журналисты России.

Пробуждение прогрессивной мысли в России нашло свое отражение и в военной периодической печати. Армия нуждалась в немедленных и серьезных преобразованиях. Видную роль в их подготовке могла сыграть военная периодическая печать. Однако передовая военная мысль тщетно искала удовлетворения своих запросов в тогдашней военной печати. Она, за исключением журнала «Морской сборник», не отвечала этим возросшим запросам.

В этот период родилась идея создания нового военного журнала «Военный сборник». Не случайно она принадлежала одному из наиболее ярких представителей российского либерализма Д. А. Милютину. Он уже в тот период (1856 г.) прекрасно понимал роль военной периодической печати в проведении реформ. Вторым поводом к созданию нового журнала была боязнь царского самодержавия, а также либералов типа Милютина, все усиливавшегося «дурного» влияния, которое оказывали на русскую армию «Со-

временник», а также, частично, «Морской сборник». Отсюда желание создать журнал, который по своему направлению был бы противоположен «Современнику», но пользовался бы таким же авторитетом и проводил бы линию, угодную царскому самодержавию.

На должность редактора нового журнала приглашается Н. Г. Чернышевский, имя которого было уже широко известно в русском передовом офицерстве. Организаторы журнала тогда еще не знали, что Чернышевский — убежденный революционер и непримиримый враг существующего строя. Они видели в нем лишь хорошего литератора и надеялись, что им удастся повернуть деятельность Чернышевского в угодное им русло.

Великий просветитель и революционный демократ Н. Г. Чернышевский охотно принял новое назначение, так как оно не шло вразрез с его деятельностью, которая определялась потребностями той эпохи, в которой жил и работал Чернышевский, а также всем складом его мировоззрения как революционера-демократа. Он прекрасно видел те оппозиционные настроения, которые породило в среде офицеров русской армии крымское поражение. В памяти Чернышевского также свежи были еще образы декабристов. Работа в «Военном сборнике» сближала его с офицерами, помогала сколачивать оппозицию в их среде, воспитывать передовое офицерство в духе непримиримости к царскому самодержавию. Чернышевский знал, что офицеры русской армии, разделявшие его революционные взгляды, в будущем явятся той силой, на которую можно будет опереться при насильственном свержении самодержавия.

Приведенные официальные документы совершенно ясно говорят о том, что Чернышевский пришел в журнал в качестве главного редактора, а не «редактора по литературной части». Работа Чернышевского в «Военном сборнике» представляется не случайным эпизодом в его литературной и политической деятельности, а является вполне закономерным явлением, обусловленным всей революционной деятельностью Н. Г. Чернышевского.

«Военный сборник», выходящий под главной редакцией Н. Г. Чернышевского, имел огромный успех в русской армии. Н. Г. Чернышевскому удалось направить журнал по демократическому пути, придав ему критический, резко обличительный характер. Во всей работе «Военного сборника» мы чувствуем направляющую руку Чернышевского. Со страниц журнала веет духом идей, которые выдвигал

и за которые боролся этот пламенный революционер-демократ. Между тем в журнале мы не находим ни одной статьи, которая была бы написана рукой самого Чернышевского. Но, не выступая в журнале лично, он вкладывал свои мысли в уста других. В журнале часто печатались статьи его помощников — Аничкова и Обручева, которые в то время всецело находились под его влиянием.

В результате доноса военно-политической цензуры, поддержанной царским правительством, Чернышевский вынужден был подать в отставку с поста главного редактора. Ему было ясно, что сохранить прежнее направление «Военного сборника» правительство не позволит, а без этого работа в журнале, теряла для него всякий смысл.

С уходом Чернышевского из редакции «Военный сборник» изменил свое направление, перестал быть выразителем передовой военной и общественно-политической мысли 60-х годов. Он был поставлен в разряд казенных журналов. Это был уже по существу другой журнал, несколько не похожий на прежний «Военный сборник». Лишь с приходом Д. А. Милютина на пост военного министра «Военный сборник» снова несколько оживает и играет известную роль в проведении «милютинских» военных реформ.

Работа Н. Г. Чернышевского в военно-теоретическом и литературном журнале «Военный сборник» продолжалась недолго, около года, тем не менее она составляет блестящую страницу в политической и литературной деятельности этого великого революционера-демократа. Используя весьма ограниченные легальные возможности, Н. Г. Чернышевский сделал максимум того, что можно было сделать в этих условиях. При помощи журнала он вел энергичную борьбу за привлечение на свою сторону передовой части русской армии, пробуждая в сознании офицеров и солдат необходимость коренной переделки существующего строя путем революции.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Глава первая. Великий русский революционер-демократ . .	3
Глава вторая. Русская армия после Крымской войны 1853—1856 гг.	17
Глава третья. История зарождения журнала „Военный сборник“. План Д. А. Милютин	29
Глава четвертая. Связи Н. Г. Чернышевского с передовой частью офицерства русской армии	37
Глава пятая. Взгляды Н. Г. Чернышевского на войну и армию	43
Глава шестая. Н. Г. Чернышевский — главный редактор „Военного сборника“	53
Глава седьмая. Содержание и направление журнала . . .	60
Глава восьмая. Примечания редакции журнала „Военный сборник“	80
Глава девятая. Отношение русского общества к выходу первых номеров „Военного сборника“	85
Глава десятая. Борьба Н. Г. Чернышевского с царской цензурой	91
Глава одиннадцатая. Уход Н. Г. Чернышевского из жур- нала. Изменение направления „Военного сборника“	99
З а к л ю ч е н и е	103

Редактор капитан *М. М. Славин*

Художник *П. М. Кузанын*

Технический редактор *Т. П. Зубакова*

Корректор *О. И. Клюкина*

ГЗ2505.

Подписано к печати 30.9.50.

Изд. № 7/3973.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 1,69 сум. л. = 5,54 печ. л. 5,58 уч.-изд. л. Зак. 487.

1-я типография имени С. К. Тимошенко Управления Военного Издательства
Военного Министерства Союза ССР

Н. Макеев. «Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника».

В популярной форме автор излагает историю создания журнала «Военный сборник» и показывает, как великий русский революционер-демократ Николай Гаврилович Чернышевский, будучи главным редактором этого журнала, использовал его страницы для пропаганды прогрессивных идей. Основанная частично на архивных документах брошюра освещает одну из наименее исследованных сторон деятельности Н. Г. Чернышевского.

Брошюра рассчитана на широкие круги читателей.

К читателям!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 53, Орликов переулок, 3, Управление Военного Издательства.

Цена 3 руб.